

Александр Трапезников

Затерянные в Полынье

А ТЫ И НЕ ЗНАЛ, ЧТО ТЫ ГЕРОЙ!

Александр Трапезников
Затерянные в Полынье

«ЭКСМО»

2014

Трапезников А. А.

Затерянные в Полынье / А. А. Трапезников — «Эксмо», 2014

В жизни Вадима до недавнего времени было мало приключений. Но все изменилось в одночасье, когда он унаследовал деревенский дом своего деда Арсения, погибшего при таинственных обстоятельствах. Внук с головой погружается в самостоятельное расследование, втягивает в него своих московских друзей и даже красавицу-жену Милену. Он и не подозревает, с чем ему придется столкнуться и чем пожертвовать ради истины...

© Трапезников А. А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Часть первая. В очередь за страхом	5
Глава 1. Мечи и манускрипты	5
Глава 2. Посёлок Полынь	10
Глава 3. Сплетни и сказки тетушки Краб	14
Глава 4. Объекты для изучения	20
Глава 5. Борьба стихий	26
Глава 6. Расследование продолжается	30
Глава 7. Волшебный камень	34
Глава 8. На помощь приходит мистер Смирнофф	38
Глава 9. Посещение замка	42
Глава 10. Вид сверху, сбоку, снизу и новые детали	47
Глава 11. Ходячий труп	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Трапезников

Затерянные в Полынье

Часть первая. В очередь за страхом

Глава 1. Мечи и манускрипты

Мне казалось, что весь дом, от подвала до чердака, состоит из разного хлама. Дед, наверное, тащил сюда все, что попадалось под руку. Скрипучие половицы аккомпанировали моим размышлениям и розыскам.

Я обнаружил множество пустых пузырьков и флакончиков, хомут для лошади, несколько мотков пряжи, сломанную удочку, металлический сейф с дыркой на месте замка, ковбойскую шляпу, уродливые гипсовые маски, массу рваных рубашек, старинные часы с кукушкой, кипы обгрызенных мышами книг, мольберт и десяток портретов в рамках.

В поисках меня сопровождал молодой кот, этакий кошачий отмороженный тинейджер, встретившийся мне на пороге дома, проворный, наглый и хитрый. Вылакав из миски привезенное мной молоко, он бродил следом, думая, что теперь ему, наверное, перепадет и нечто мясное. И я, делать нечего, поделился с ним своим бутербродом. Прогонять усатого разбойника я не стал, посчитав, не без оснований, что этот кот принадлежал моему деду и был, очевидно, свидетелем последних дней его жизни.

Самым любопытным из всего, что я обнаружил, была стопка тетрадок в коленкорových переплетах, примостившихся под лестницей в подвал. Я вынес их на застекленную веранду, уселся в кресло-качалку, стряхнув пыль, и стал разбирать бумаги. Архив деда, так я понял. Кот лег на часть тетрадок, словно верный сторож, и поцарапал их когтями.

– Чуешь, крысолов, запах деда? – спросил я. – Как же тебя зовут? А-а, неважно... Крысом и будешь.

Возражений не последовало. Кот, довольный тем, что получил новое (или вообще первое?) имя, заурчал. Да, тетрадки, несомненно, принадлежали моему почившему в бозе предку. Я помнил его заковыристый, с мелкими завитушками почерк – по тем письмам, которые хранились в нашей семье. Правда, их редко кто перечитывал. Да и сохранились-то чудом, все не было времени выбросить на помойку.

А теперь я начал осторожно и даже не без интереса листать эти ветхие манускрипты с выцветшими от времени чернилами, словно отдавая дань памяти «горячо любимому» деду. Но очень скоро утомился. Они представляли собой сборник каких-то совершенно идиотских рецептов, которые были бы уместны в Средние века, нежели в наши дни, лета две тысячи тринадцатого года от Рождества Христова.

Назывались колдовские снадобья по-разному, но не менее забавно и вычурно, чем само их содержание. Например: «Как вдруг увидеть приятный и вещий сон в бессонную ночь», или «Как враз и с ходу получить фортуна в любовной битве», или «Как оградить себя от конфузизии где-либо», или «Как омолодить тело и сердце, сохранив разум», или «Как правильно смотреть сквозь стены» и прочая дребедень. А были и вовсе несуразные, вроде: «Как выйти сухим из воды, не окаменев при этом», или «Как жить, если не живется». Сплошные «как», состряпанные на постном масле и пустой ерунде. Да и сами «рецепты» к тому же были тщательно зашифрованы.

Вот, скажем, после заголовка «Как удручить неприятного гостя до коликов и поноса» шло: «Возьмите три дольки кр., одну чайную ложку пр., потом л. и м., см., под., на е., два ч.,

выл., вып., см., драже, ор., не б. Все. Уйдет, убеж. даж. Штаны потеряет. Записано со слов бабки Марьи из Костромской губернии». Я незлобиво посмеялся над этой бабкой Марьей и чудачеством своего деда, который, оказывается, занимался подобной чепухой чуть ли не всю свою сознательную жизнь. И это стало для меня откровением.

Нет, я знал, что дед был неплохим костоправом, лекарем-самоучкой: успешно вправлял больным сместившиеся позвонки. К нему даже приезжали корреспонденты, как к специалисту по народной терапии, правда, почему-то в основном из «желтой прессы». Профессиональные врачи и ученые на него внимания не обращали. Да и он сам к официальной медицине относился ядовито и сурово.

Однако к нему, как я слышал, ездили настоящие страдалыцы из Москвы, Санкт-Петербурга и других городов и весей. Знал я и то, что себя дед считал чуть ли не колдуном, обладателем некой огромной магической силы, а мы в семье лишь добродушно поддакивали ему, когда он приезжал в гости.

Магия его перед нами в принципе никак не проявлялась. Не демонстрировалась. Напротив даже, в житейских делах он постоянно попадал впросак. Но, может быть, так случалось только в Москве, в мегаполисе? То он кошелек с деньгами терял, то сумку с продуктами забывал в супермаркете, а то его колотили какие-то пьяные придурки. Куда же в эти моменты его волшебная сила девалась?

В сущности, он был неплохим, веселым и компанейским стариканом, хотя помнил я его довольно смутно. Последние двадцать лет он жил отдельно от нас, приобретя этот дом в поселке со странным названием Полынья. Километрах в двухстах от Москвы. Мне было девять лет, когда он уехал. Потом виделись только изредка, по мере моего взросления. А последний раз дед появился в столице в начале двадцать первого века. И явился без предупреждения, с оказией, как из века девятнадцатого.

Я запомнил его словоохотливым, высоким, очень подвижным стариком, с седой и пышной шевелюрой, с покрытым морщинами загорелым лицом и крепкими руками. Выглядел он лет на пятнадцать моложе своих семидесяти. Вот что значит здоровый образ жизни, вдали от гнилой цивилизации.

– Приезжай ко мне в Полынью, милый. Не пожалеешь. Там такое... Никогда не поверишь! – сказал дед напоследок, когда я его провожал на вокзале. А «милому» уже самому под тридцать, но он меня так всегда и звал. Может, имени не помнил? Я, конечно же, пообещал тогда обязательно приехать, «как только, так сразу...». Хотя это и не входило в мои планы. Приближалась моя свадьба с Миленой. Я не хотел обманывать деда, но не спешил и огорчать его отказом. Он, видно, почувствовал мою незатейливую ложь, поэтому только грустно оборвал:

– Эх, ведь когда я умру, поздно станет. Будет совсем не то. Будут великие испытания и большие прелести. Но ты все равно приедешь. Это судьба.

Я не обратил внимания на его последнюю фразу. Но вот теперь вдруг вспомнил. Вышло, как он и говорил: я все равно приехал. А что же теперь будет «совсем не то»? Что он имел в виду под словами «великие испытания и большие прелести»? Думаю, что он вкладывал в это какой-то особый, потаенный смысл. Понятный только ему одному. А может, уже тогда знал, что срок ему отпущен всего чуть больше десяти лет, и хотел поделиться со мной какими-то своими колдовскими секретами. А заодно оставить мне и этот полуразваленный и, на мой трезвый оценочный взгляд, совершенно не пригодный для цивилизованного житья дом.

Но так все и произошло, я оказался здесь. Вступил в законные права наследства. Хотя вовсе не желал этого. Что мне вообще теперь делать в этой богом забытой Полынье? Ума не мог приложить. Ответа не дал и Крыс, разлегшийся на моих коленях.

Теперь, сидя на веранде, я с грустью вспоминал своего деда, глядя на его смешные и не нужные никому манускрипты. «Следовало бы их сжечь, – подумалось мне. – Кому нужно это

средневековое посмешище?» И я уже решил было развести за домом небольшой костерок, но что-то остановило меня. Какая-то неведомая сила сделала меня на несколько минут ленивым и безвольным, равнодушным ко всему. Хотя обычно я человек деятельный и четко слеую своему внутреннему голосу. Но тут я как-то вяло смотрел на тетрадки и попыхивал сигаретой.

«Да шут с ними! – решил я. – Пусть лежат там, где и лежали. Все равно их сгрызут мыши. Им тоже надо чем-то питаться. Вот пусть и полакомятся магическими свитками». Бросив дедушкины манускрипты под лестницу, я вдруг замер в некотором ошолбенении. Чуть поодаль от ступеней, на земляном полу, лежали два предмета, которых, я уверен, здесь не было, когда я нашел тетрадки. Я просто не мог не заметить эти два меча старинной работы. Или у меня случилось расстройство зрения? Оптический обман?

И вот что еще удивительно: на них не было пыли, которая покрывала все вокруг. Мечи сверкали холодом стали, и даже сам этот блеск уже должен был привлечь мое внимание. Чудеса какие-то! Мистика. Неприятный холодок пробежал по спине, словно кто-то незримый находился тут же, в подвале, и наблюдал за моими действиями. Мне стало не по себе. Я быстро обернулся, но, конечно же, рядом никого не было. Хотя где-то наверху раздался скрип половиц...

Все это мне страшно не понравилось. Я впервые почувствовал какую-то тревогу, беспокойство. Трусом меня не назовешь, но кожа покрылась мурашками, а в сердце что-то неприятно кольнуло. Мне вдруг показалось, что в этом доме я нахожусь не один. Нагнувшись, я взял в руки один из мечей. Он был достаточно тяжел, с массивной рукоятью и длинным, обоюдоострым лезвием, достигавшим чуть ли не полутора метров. Эфес был украшен затейливой резьбой. Такой меч, безусловно, сам по себе представлял значительную ценность, и им наверняка пользовались лет четыреста назад.

Если только он не был выкован каким-нибудь умельцем в местной кузнице. Где же дедуля раздобыл эту редкость? Взмахнув мечом, я сделал несколько выпадов, чувствуя себя таким рыцарем Ланселотом или Персивалем, сражающимся за честь Прекрасной Дамы. Меч со свистом рассек воздух, а потом лезвие в щепы раскрошило этажерку. Я еще некоторое время поупражнялся на старой и трухлявой мебели, мне это сильно понравилось. Пока не остановился, вовремя подумав, что и она может представлять какую-то антикварную ценность.

«Серьезное оружие», – сделал я окончательный вывод. Таким мечом можно запросто разрубить врага пополам. Так, наверное, и делали. Интересно, сколько человеческих жизней погубил древний хозяин этих мечей? Это, должно быть, дамасская сталь. Или что-то в том же роде. Славные ножики. Нет сомнения, что это была самая важная моя находка в дедушкином доме за сегодняшний день. Даже порадовался, забыв о собственной внутренней тревоге. С таким оружием уже ничего не страшно.

Я взял в руки по мечу, поднялся по лестнице и отнес в облюбованную мной комнату. Туда же, скрипнув половицей, заглянул и пронырливый Крыс. Завернув мечи в старое покрывало, я положил их под кровать. И все же меня продолжали мучить сомнения. Каким образом мечи оказались под лестницей в подвале? И как я мог не заметить их с первого взгляда?

И еще я продолжал интуитивно ощущать, что за мной все время кто-то наблюдает. Надо сказать, что весь дом представлял собой довольно странное сооружение. И не слишком-то удобное для житья, по крайней мере, на мой вкус. Центральное место занимала большая овальная комната – зал, как я ее сразу же окрестил. Без окон. Здесь стоял круглый дубовый стол, несколько кресел и стульев, на стенах – подсвечники. Из зала шесть дверей вели в другие комнаты, гораздо меньших размеров. Все они соединялись между собой коридором и являлись, таким образом, проходными.

Из первой комнаты был выход на улицу, во двор. Из второй – шла лестница в подвал. Эта комната была приспособлена под кухню, здесь стояли газовая плитка и прочие причиндалы для приготовления и приема пищи: чашки, плошки, кастрюли... Третья комната соединялась

с верандой, и отсюда же вела лестница на чердак. Из четвертой можно было опять же выйти во двор, только с обратной стороны дома. А из пятой – снова попасть в подвал. В шестой комнате еще одна лестница снова вела на чердак, который был разделен на две половинки кирпичной стенкой. Словом, сплошной лабиринт из дверей, комнат, коридорчиков и лестниц, причем почти все замки и запоры были сломаны. Я подумал еще, что в таком доме можно не только бродить, как в темном лесочке, но и при желании – искусно спрятаться.

Я выбрал для себя и Милены комнату под номером пять, а гости, если они пожелают приехать, пусть селятся где хотят. Мест много, и в этой гостинице я за постой денег не беру. Ах да... Прежде чем уехать в Полыню, я позвонил некоторым своим старым приятелям. И пригласил их скрасить мое одиночество, отдохнуть в замечательной деревушке, почти бальнеологическом курорте, как я им описал это местечко. Одни согласились, другие наотрез отказались, видимо почувствовав, что представляет из себя мой «курорт».

Самое странное и обидное, что дольше всего мне пришлось уговаривать мою собственную жену Милену. И лишь после того, как я расписал ей во всех красках, какой удивительный и волшебный дворец достался мне в наследство (хотя я и сам не имел представления, что такое дедушкин дом, поскольку люблю приврать), она скрепя сердце согласилась.

Все они (приятели и супруга) должны были приехать через неделю, в следующую субботу. К этому времени я надеялся навести здесь полный порядок. Но когда увидел, сколько работы мне предстоит, я ужаснулся. Чтобы вычистить, выскоблить, вымыть и починить всю эту рухлядь, потребовалась бы не неделя, а целый месяц. Да и то если будет трудиться целая бригада гастарбайтеров. А где тут их найти?

Ладно, решил я, не стоит отчаиваться, наведу хотя бы косметический блеск. А для этого, прежде всего, надо выбросить из дома весь хлам. Ну а потом уже браться за обустройство «семейного гнездышка». Хотелось, чтобы Милене тут понравилось. По правде говоря, голова у меня шла кругом. Но глаза боятся – руки делают. Я решил времени даром не терять. И первым делом потащил во двор огромный пустой металлический сейф, весивший тем не менее килограмм сто. Но сил мне пока что не занимать.

И тут вновь произошло нечто странное. Пока я волок ржавую громадину, поражаясь силище своего деда, сумевшего втащить ее в дом, – все было нормально. Но лишь только я остановился передохнуть, как мне послышался чей-то слабый голос, даже писк, словно он принадлежал бестелесному существу. Или домашнему привидению. Правда, они, кажется, обычно молчаливы.

Я напряг слух, и до меня донеслось: «Кис... кис – кис... кис...» Это уже походило на чертовщину. Теперь уже и слуховые галлюцинации появились. Или? Кто-то явно звал кота Крыса. Я уже считал себя его законным хозяином. Зря, что ли, кормил подлеца своим личным бутербродом? А ведь у него наверняка должен быть прежний хозяин. Дедуля? Не он ли и подзывает его с того света? Я огляделся, прислушался. Вновь стало как-то боязно.

Голосок стал звучать явственнее, и я определил, откуда он заносится. Из-за входной двери в дом. Я стоял в полной нерешительности: что делать? Меня одолевали два чувства – тревога и злость. Наконец я шагнул к двери, которая состояла из двух половинок: нижняя – деревянная, а верхняя – из стекла. Но за стеклом никого не было видно, хотя голос продолжал доноситься явно оттуда. «Кис... кис... кис-кис...»

Ладно, подумал я, поглядим. И рванул дверь на себя. Передо мной стояла маленькая девчушка, лет семи, с заплаканными глазами. Она испуганно отшатнулась и слабо пискнула. Я чуть не расхохотался.

– Кис... – повторила она всего одно слово. Может, другого и говорить не умела? Но потом, придя в себя, внятно добавила: – Ой, я и забыла, что вы умерли!

Эта неожиданная реплика меня скорее позабавила, чем огорчила. Я пояснил:

– Не я. Умер дедушка Арсений. А я его внук.

– Правда?

– Могу поклясться на Конституции. А ты кого ищешь, малышка?

Это маленькое существо было изящно как куколка: льняные волосы, пухлые губки, расшитый бисером красный сарафан. И испуг в ее васильковых глазах уже совсем прошел. Прелестна была даже ее детская непосредственность, позволившая ей путать меня, тридцатилетнего, и семидесятилетнего деда. Но для ребенка все люди старше двадцати – уже старики.

– У меня котик пропал.

– Сейчас посмотрим, не этот ли?

Я вернулся в дом и нашел воришку на кухне. Он сумел добраться-таки до моей резервной котлеты в рюкзаке. Вытащив урчащего негодяя, я отнес его девчужке.

– Он?

– Да! – обрадовалась она, схватив его обеими ручонками. Кот, надо заметить, так и продолжал дожевывать котлету.

– Не корми его сегодня ничем, – посоветовал я. – И завтра тоже. Как звать-то?

– Крыс, – ответила девочка.

Тут я вновь призадумался. Странно все это как-то выглядело. Выходит, я с ходу угадал его имя? Чудеса начинаются с утра.

– Не его – тебя, – сказал я. – Свою кличку он мне назвал.

– А меня – Алена.

– Рад познакомиться, Аленушка. Заходи в гости. Только с Крысом.

– Договорились! – важно согласилась она. – А вы будете теперь тут жить?

– Да.

– Ой-ой!

– Что такое, детка?

– Жалко.

– Почему же?

– Жалко, – повторила она, ничего больше не объясняя. И добавила в третий раз: – Как жалко, ужас просто.

Потом, не произнеся больше ни слова, повернулась и побежала, прижимая Крыса к груди.

Я пожал плечами и вернулся в дом. В свой дом теперь. Который, как ни странно, уже начинал мне все больше и больше нравиться. Правда, непонятно почему.

Глава 2. Посёлок Полынья

Теперь, пожалуй, следует рассказать о себе. Я – полубезработный артист, так и не сделавший себе карьеры ни в кино, ни в театре. Снялся, правда, в трех исторических фильмах, но роли были маленькие, эпизодические. Иногда я подрабатывал на телевидении, дублировал «мыльные оперы». Моя супружеская жизнь с Миленой периодически давала сбои, напоминая плохо работающий компьютер, требующий постоянной перезагрузки. То мы собирались разводится, проклиная друг друга, то пылко и истерично бросались в объятия, клянясь друг другу в любви до гробовой доски. Есть подобные сумасшедшие семейные пары, уверяю вас. Такими, к примеру, были Элизабет Тейлор и Ричард Бартон.

Милена работала в нашем же театре гримершей и пользовалась здесь значительно большей популярностью, чем я. В ней был какой-то удивительно сексуальный шарм: может быть, из-за чуть вздернутой верхней губки, или раскосых, часто меняющих свой оттенок глаз, или небольшой родинки на левой щеке.

Дома она не утруждала себя никакой работой, разве что делала себе маникюр, так что при ней я был и поваром, и сантехником, и стиральной машиной. И мужем-любовником в придачу. Но все свои обязанности я исполнял исправно, не стыдясь и не огорчаясь, не вставая в позу. Я человек не гордый и не щепетильный. Могу терпеть очень долго. Хотя все же до определенного предела.

Кроме того, у меня было несколько увлечений, которым я отдавался всей душой и которые скрашивали мне некоторые неудобства в семейной жизни и неурядицы в работе. Я страстно любил различные пиротехнические спецэффекты, применяемые на съемках, изучал их, разрабатывал сам, покупал всякие дымовые шашки, кровавые накладки с капсулами и прочее. Некоторые вещички, признаюсь честно, воровал в киномастерских. Вообще любил всевозможные технические новинки. И часть из них захватил с собой сюда, в Полынью. На всякий случай. Для смеха. Но смеяться здесь, по-видимому, нам доведется не скоро... Унылое местечко.

Когда мы в Москве пару месяцев назад получили эту идиотскую телеграмму, то вначале ничего не поняли. Белиберда какая-то. «ПОХОРОНЫ ДОМА. НАСЛЕДСТВО. ДЕД АРСЕНИЙ». Чьи похороны, и почему они состоятся дома, а не на кладбище, и какое наследство имеет в виду наш чудаковатый дедуля, приславший эту телеграмму? Мы гадали целый вечер, но так ничего и не сообразили.

А еще через две недели пришло письмо от Лидии Гавриловны Краб, жившей в соседнем от дедули доме и с которой он более-менее дружил. Между ними было что-то даже вроде пасторального романа. Она с неподдельной горечью писала: «Он утонул еще два месяца назад, но никто этому не верил, поскольку тело не было найдено, хотя одежда осталась на берегу. И только теперь, недавно, утопленника прибило к камышам, страшно разбухшего и изъеденного раками, и тогда самые худшие наши опасения подтвердились, а похороны уже состоялись на местном кладбище...»

То, что письмо было буквально пропитано искренними слезами, не вызывало сомнений. Позже поселковый совет прислал нам справку о его смерти, а из уездной нотариальной конторы последовало официальное извещение, что наследником всего движимого и недвижимого имущества Арсения Прохоровича Свириадского являюсь я – Вадим Евгеньевич Свиридов...

Таким образом, все окончательно прояснилось лишь к июлю этого года. Делать нечего – надо было собираться и ехать в Полынью, чтобы поклониться праху моего деда и вступить во владение недвижимостью. Мама с отцом отбывали в зарубежную командировку, Милена согласилась приехать лишь через неделю, и я отправился в этот неведомый край один.

Теперь надо бы объяснить, что представляет собой этот поселок – Полынья. Расположен он где-то посередине между Москвой и Брянском, в достаточно глухом и уединенном месте. Чтобы добраться до него, надо вначале проехать на поезде, затем пересестись на рейсовый автобус, который довезет вас до небольшого уездного городка, и лишь потом своим ходом по проселочной ухабистой дороге протопать километров десять.

Слева будут не слишком высокие, но достаточно крутые скалистые горы, справа – болотистая непроходимая топь. Другого пути нет. Так вы попадете в Полыню, а если пройдете поселок насквозь, то упретесь в широкое озеро, которое как бы замыкает его с третьей стороны. Вот и получается, что та дорога, по которой вы шли, является единственной ниточкой, соединяющей Полыню с внешним миром. Да, забыл сказать, что мобильная связь тут не работала.

Можно, конечно, переплыть озеро (где, кстати, и утонул мой дед) на лодке, но далее идут вообще нехоженые партизанские леса, к тому же еще и сильно заболоченные. Фашистам не пожелаешь здесь очутиться. Да они сюда и не совались. Вот такое не слишком-то веселенькое местечко оставил мне в наследство дедуля. А еще – меня все время не покидало чувство неосознанной тревоги.

Я стоял на пустынной центральной улице поселка и с интересом озирался по сторонам. Мне казалось, что за всеми оконными шторами домов меня самого с подозрением разглядывают притаившиеся там жители. Гадают, наверное, что это за турист в бейсболке и камуфляже хочет смутить их сельский покой? И не следует ли его тотчас же, без лишних разговоров, связать и бросить в болото. Чтобы не шлялись тут всякие...

Но потом Полынья показалась мне не такой уж и богом забытой и подозрительной. Я узнал, что в поселке есть и телефонная связь, и продуктовый магазинчик, в котором можно было купить все, что угодно (продукты туда поставлялись раз в неделю), и своя пекарня. А также кузница, медпункт с единственным доктором и медсестрой, начальная школа с таким же единственным учителем, ведущим все предметы, газетный киоск со старыми журналами, местный милиционер и даже свой, выбранный сельским сходом староста – глава самоуправления. В общем, все как у людей в любой другой российской провинции, только в очень маленьких масштабах.

Жилых домов в Полынье было около пятидесяти, не считая заброшенных построек и сараев, а все население составляло сто сорок – сто шестьдесят человек. Многие из них имели старенькие внедорожники, на которых ездили по надобности в уездный городок N. Да особой надобности-то и не было. Жизнь тут текла лениво и сонно, и нарушать ее патриархальный покой никому из местных жителей не хотелось.

Были тут и свои достопримечательности. Например, водонапорная башня, с которой открывались чудесные виды на окрестности. Это и сердцевидное, отливающее серой сталью озеро, и высоченные строгие сосны и ели, и зеленый ковер болот, и отлогие гранитные скалы. Такой картины в столице не увидишь.

Или взять дворец-особняк с мраморными колоннами некоего «нового русского» нувориша, который соригинальничал и решил обосноваться не на Рублевке, а в Полынье и за полгода выстроил настоящий Тадж-Махал. Или местное уютное кладбище с памятниками и склепами, где прохожий, умеющий размышлять, смог бы прочесть всю двухсотлетнюю историю этого поселка. Туда-то я первым делом и отправился...

По дороге меня поразило одно странное обстоятельство: соседство (или соперничество?) двух, казалось бы, несовместимых храмов. Впрочем, если в отношении первого – а это была ветхая, на треть разрушенная церковь – я могу применить это слово с полной уверенностью, то ко второму – какому-то дикому, эклектичному зданию с уродливым куполом, напоминающему то ли католический костел, то ли обезображенную синагогу, то ли вообще языческое капище, – слово «храм» едва ли подходило.

Зато внешне это диковинное строение было в идеальном порядке. Странно, но возле обоих зданий сновали люди, очевидно, прихожане. Значит, тут шли службы. У меня не было никакого желания, даже из простого любопытства, заглядывать внутрь уродливого монстра, а вот в церквушку я зашел. Помолившись у образа Николая-угодника, я огляделся.

Утреннюю литургию вел средних лет священник с усталым, аскетическим и полным какого-то внутреннего горения лицом. Внимали ему человек десять, в основном женщины. Теплились несколько свечей... Лики святых с грустной тревогой и надеждой глядели на нас. Тихо плыл голос священника, наполняя души словами Священного Писания, и я, стоя под самым куполом, ощущал и умиротворение, и радость от сознания того, что и меня вроде бы не покидает благодать божья...

Однако долго здесь задерживаться я не стал. Я ведь человек невоцерковленный, а так, словно бы «погулять вышел». И еще неизвестно, куда приду. Осторожно и смущенно покинув храм, я направился к видневшемуся впереди кладбищу. Его было бы трудно миновать даже при всем желании.

Я долго бродил среди ухоженных могильных холмиков, читал надписи на плитах, разглядывал памятники, останавливался перед низкими склепами, будто бы примеривая их на свой аршин, пока не наткнулся на свежую могилу деда. Земля тут была еще рыхлой, а трава не успела вырасти.

На металлической табличке рядом с крестом было выгравировано: «Арсений Прохорович Свирнадский, 1943–2013». Но меня поначалу остановила не столько эта надпись, которую я не успел прочесть, сколько странное, отлитое из чугуна и железа надгробие: два скрещенных меча и две руки, держащие их, словно вылезающие из земли. И эти мечи были точь-в-точь как те, которые я обнаружил в подвале под лестницей.

Забегая вперед, скажу, что вечером я вспомню об этой странной аллегории и призадумаясь: а чьи руки держат эти мечи? Сейчас же я просто остановился, пораженный столь чудным памятником. Кто установил его? Была ли это воля моего деда? Или это «тетушка Краб» постаралась? Я уже мысленно «окрестил» ее своей тетушкой, хотя еще и не был с ней знаком.

Пока же я подобающим образом театрально стоял (не привыкать), скорбно наклонив голову, пытаюсь вызвать в памяти образ моего предка (или даже выжать из себя слезу), но в голове и на сердце было отчего-то пусто. Душа моя отчаянно противилась жалости.

Я вспоминал нашу последнюю встречу, года три назад, но лицо деда ускользало, расплывалось в какой-то зыбкой дымке, будто у него и вовсе не было лица, лишь контуры тела. Даже его голос не доносился до моей памяти из прошлого.

– Ну вот я и приехал к тебе, дедушка, встречай! – отчетливо, как учили нас на театральных курсах, произнес я. И тотчас же пожалел о своей глупой выходке. Мне почудилось, что земля действительно зашевелилась, стала потрескивать, вспыхивать искорками, словно там, на глубине трех метров, кто-то пытался скинуть крышку гроба.

Мне даже отчетливо слышался тяжелый вздох, – я мог бы поклясться в этом. Попятившись, я споткнулся о другой могильный холмик и чуть не упал. «Нет, – решил я. – Хватит шутить. Полынья – не арена для «Комеди клаба», тут место серьезное. Загадочное».

И теперь мне почему-то расхотелось уезжать отсюда раньше времени. С какой стати? Будь что будет. Я проживу здесь две недели, а потом уеду в Москву вместе с Миленой и моими гостями. В нечистую силу я не верил, к мистике относился снисходительно, а на всякого колдуна у меня был заготовлен фирменный удар в печень.

Но я знал, что есть на земле такие места, которые являются как бы энергетическими скоплениями зла. Дурные территории, среда обитания скверных материализовавшихся мыслей. В таких точках человек всегда испытывает тревогу, страх, вплоть до патологического ужаса, потому что предчувствует беду. Она витает в воздухе, заполняет жилища людей, ею дышат,

она приходит во снах и наяву, ее едят и пьют, отравляя себе жизнь. И Полынья наверняка была одним из таких мест. Это стало ясно мне с первого часа пребывания здесь.

Но зачем же дед поселился именно в Полынье, с какого такого бодуна? Или он надеялся на свою природную силу, свой сакральный дух, способный предотвратить и одолеть зло? Хотел изменить мир, хотя бы в рамках одного поселка? Но человек в подобной схватке почти всегда обречен на поражение. И дед тоже проиграл... Он опустился в Полыню, и она поглотила его, как то озеро, в котором он утонул.

Но я твердо решил: нет, я не уеду отсюда. Я буду хитрее, чем дед, я принимаю вызов. Еще поглядим – кто кого. Только вот кто этот мой неведомый противник, я еще не догадывался. А затем, положив на могилу деда собранный мной по дороге сюда букетик ромашек, я быстро пошел назад, к выходу. Путь мой лежал теперь к домику Лидии Гавриловны Краб.

Глава 3. Сплетни и сказки тетушки Краб

На пороге низенького дома стояла, словно поджидая меня, полная, ширококостная женщина, вглядываясь в даль из-под приставленной ко лбу ладони. Когда она пошла мне навстречу, двигаясь как-то боком, я подумал: «Вот уж действительно, лучшей фамилии ей и придумать нельзя». Сходство с крабом увеличивал и блестящий кожаный жакет, стягивающий ее туловище, словно панцирь. Я усмехнулся, почувствовав, что сейчас она начнет меня обнимать. Так оно и вышло.

– Как похож!.. Как похож! – запричитала Лидия Гавриловна, облобызав мои щеки. – Ведь ты Вадим, внучек Арсения?

Пришлось сознаться, хотя из озорства мне хотелось назваться Ваней Ургантом, но я тотчас же понял, что такую женщину обманывать – грех. Она просто светилась редкостной простотой и добродушием, располагая к себе сразу же. Не прошло и минуты, как мы стали родственными душами.

– Зови меня тетушкой, – сказала она.

– А иначе и не представляю, – отозвался я.

Было ей около шестидесяти пяти. Наверное, деду на старости лет нужна была именно такая подружка жизни. И если они действительно жили вместе, то я рад за его последние счастливые дни. Ведя меня в дом, тетушка болтала без умолку, то смеясь, то пуская слезу – в зависимости от темы.

– Меня Арсений звал знаешь как? – тут она вдруг стала густо краснеть: – Пышка.

– Очень мило, – согласился я.

Второй раз она покраснела, когда сказала, что у нее хранятся и запасные ключи от дома деда. Я смекнул, что посторонней женщине дед вряд ли стал бы так доверять: все сходилось на том, что они жили в гражданском браке.

– Оставьте их у себя, – попросил я. – Я думаю, это будет приятно деду, который, несомненно, смотрит сейчас на нас из заоблачной синевы.

– Истинно так! – воскликнула она. – Он на небесах! – И залилась слезами. Это были уже четвертые слезы за время нашей короткой встречи, и я уже не утешал ее, зная, что они быстро иссякнут. Тетушка все время порывалась меня накормить, но я не был голоден. Лишь выпил стакан чая с ежевичным вареньем.

– О, это был святой человек! – повторяла между тем Краб-Пышка. – Если б ты только знал! Как он тебя ждал, негодник! – И она, проворно перегнувшись через стол, ударила меня ладонью (клешней?) по лбу. – Ведь это он избавил меня от болей в позвоночнике. А сколько людей к нему приезжало, скольких он вылечил! Да дело даже не в этом... Он был как... как солнечный луч, пробивший грозовую тучу!

Я вновь поперхнулся, никак не ожидая от нее столь поэтической метафоры. Но, очевидно, в детстве она писала стихи, а может быть, баловалась ими и теперь. Грустно вздохнув, тетушка Краб взяла с меня слово, что я непременно явлюсь к ужину.

... Разгрести хлам в доме дедули я закончил лишь к семи часам вечера. Завтра я планировал заняться стиркой и сушкой белья, а также разными мелкими столярными работами. Сев перекурить на крыльцо, я вспомнил о своем обещании. Кроме того, чувство голода подсказало мне мои дальнейшие действия.

И я снова отправился к своей доброй соседке. Она стала бранить меня за столь долгое ожидание, поскольку уже несколько раз подогревала то борщ, то котлеты, то солянку. На столе я углядел бутылочку наливки, которая оказалась очень кстати после трудового дня.

– Это хорошо, что у тебя отменный аппетит! – радовалась тетушка Краб. – Арсений тоже любил вкусно поесть... А все не толстел, ты тоже худющий. Но он был очень силен. Уж какая силища в руках! Жуть.

Ожидаемых слез на сей раз не последовало. Тетушка Краб переключилась на другую тему – стала рассказывать о жителях Полыньи. Несмотря на свое добродушие, она оказалась отменной сплетницей. Я слушал вполуха, подливая себе рябиновку. Хозяйка только пригубила.

– Наш поселковый староста, Илья Ильич Горемыжный – тьфу! Мямля, тюфяк, настоящий мыльный пузырь! Его и выбрали-то только за огромный рост, а так от него никакого толку. Вся власть здесь принадлежит одному человеку, прохиндею этому, Намцевичу, который особняк с колоннами отгрохал. Видел небось? А ведь в детстве бегал тут с голой попой, гусей с хворостиной пас. – Она вдруг понизила голос, оглянувшись на дверь. – Ты с ним не связывайся... Нехороший он человек, темный, и с гориллами его тоже не вяжись. Они все в такой пятнистой одежде шляются...

– В камуфляже, – подсказал я.

– Не знаю, в каком таком муфляже, но все они – как звери дикие, без души, без совести. Сказывают, – и тетушка Краб стала говорить совсем шепотом, – в особняке какие-то безобразия происходят, пакости. Ну их к бесу! А полицейского нашего, Петра Громыхайлова, они совсем споили, он у них вместо ширмы. Что велит – то и сделает. Это он вам в Москву телеграмму послал, ну, насчет Арсения... Небось перепутал все с похмелья.

– Точно, – подтвердил я.

– А Намцевич нам какое-то чудовище возле церкви выстроил, хочет нас всех в новую веру обратить. – Тут тетушка Краб истово перекрестилась. – Там какой-то отец Монк проповедует. И вместо распятия у них – голая девка изображена, с головой песьей.

– Ну уж! – усмехнулся я.

– Сама не была, врать не буду, а сказывают... И ведь многие уже соблазнились... Монк им деньги за посещение приплачивает. Сначала деньги, а потом душу-то и заберет... Ты туда тоже не ходи.

– Да я, тетушка, православный.

– Вот и хорошо! Жалко мне батюшку нашего, отца Владимира. Совсем они его затуркали. А ведь раньше цветущий мужчина был, кровь с молоком. Понятное дело, почитай, один против них всех и борется. С божьей, конечно, помощью... Эх, горюшко наше! – И тетушка Краб лихо махнула рюмку наливки. Потом продолжила: – Про доктора нашего, Мендлева, ничего сказать не могу. Скользкий он какой-то, не ухватишь. И рожа всегда кисло-сладкая. Да борода козлиная. И, поди, медсестру свою украдкой тискает, Жанну. Нет, не знаю я, что он за человек...

– Разберемся, – выдохнул я. – И с Жанной тоже.

– А вот учитель, Клемент Морисович, настоящий двурушник. Иуда. Днем он в школе преподает, сеет разумное, а глядь, через час уже у Намцевича, сына его репетирует.

– У нас многие этим занимаются, – вступился я за учителя. – Жить-то надо, а деньги не пахнут.

– Э-э, не скажи, милый! Деньги-то как раз больше всего и воняют. И есть, есть люди, которые на них плюют! – Тут тетушка Краб и сама от души сплюнула на пол. – Возьми кузнеца нашего, Потапа Ермольника. Ты ему хоть сколько предлагай, а за дурной заказ не возьмется. Не тот человек. Потому как душа для него важнее.

– Тетушка, не он ли смастерил это надгробие на могиле деда? – насторожился я.

– Он, он, милый! Они с Арсением шибко дружны были.

– А что означают эти мечи? И руки из земли?

– Да откуда ж мне знать! Это ты у него спроси, у Потапа. Может, сам придумал, а может, и Арсений когда-то намек дал. Нет, не знаю...

– Спросим, – согласился я. – Со всех спросим, по всей строгости закона.

– А еще есть у нас местный дурачок, Мишкой-Стрельцом звать, – продолжала старая сплетница, хотя мне хотелось расспросить ее поподробнее о кузнеце Ермольнике. – Он к водонапорной башне приставлен, сторожем. Ты его по рыжей шевелюре узнаешь. Так ведь тоже додумался – деньги брать за вид сверху. А как же, бизнес! Но балагур, смех!..

– Посмеемся.

– У озера рыбаки живут, с ними дружить надо, у них лодки, рыба. Пекарь наш тоже персона важная, хлебная. Хочешь не хочешь, а лишний раз поклонись. Продавщица магазина Зинаида – также не из последних будет. Возьмет и закроет на замок лавку, вот и кукуй без продуктов.

– Подружился. Со всеми, тетушка.

– Но у нее горе сейчас страшное: сына арестовали где-то в Мурманске, за убийство. Матросом он был. И говорят даже, что приговорили к пожизненному. Но... – Тут тетушка вновь снизила голос до шепота. – Слух пошел, будто бы убежал он. Да в наши края и подался. Если так, то не приведи Господь! – Она перекрестилась, не забыв и о рюмке с наливкой.

Я тоже не отставал. Тут вскоре и вторая бутылочка появилась. А я уже чувствовал себя не то чтобы пьяным, но каким-то туманным, плывущим в дрему. Но до меня смутно продолжал доноситься голос тетушки Краб:

– Газетчик, который иногда в киоске сидит, Дрыновым кличут, тот вообще помешанный. Духов вызывает заклинаниями...

– Спирит, что ли? – спросил я сонно.

– А? Нет, спирт не пьет, трезвенник. Язва у него... А вот что тебе интересно будет – так то, что появляется у нас иногда по ночам девушка красоты неопишуемой, и никто не знает, откуда она, да и живая ли вообще. Ее так и прозвали: Девушка-Ночь.

– Что же она вытворяет? – поехидничал я. – Кровь пьет?

– А ты не смейся, не смейся! Не дай бог, встретишь ее ночью. Она так тебя в себя влюбит, что ни о ком другом думать не будешь... Постой, а ты женат ли?

– Женат, тетушка, женат. И приедет моя половинка через неделю. Так что твоей Девушке-Ночи, красавице этой, надо поторопиться. А то моя Милена ей глаза-то повыцарапает.

– Тьфу на тебя! Не веришь, а я правду говорю. Ведет она своего избранника к Волшебному камню, твердит ему слова, которых он и слышать не слыхивал, и любят они друг друга до иступления...

– И многих она так... зачекотала до смерти? – я хотел рассмеяться, но почему-то не получилось, словно смех застрял в горле.

– Были, были молодцы, да сплыли, – загадочно ответила тетушка Краб. – Один умом тронулся, другой с водонапорной башни сиганул. А третий и вовсе сгинул. Наверное, в болоте.

– Где же этот Волшебный камень находится?

– У болота и лежит. Неподалеку от дома Арсения. Твоего теперь дома.

– А не сходить ли мне к нему прямо сейчас?

– Толку-то? Она сама тебя должна к нему подвести. Да и не шути ты так на ночь-то глядя.

Тетушка Краб продолжала говорить, а я, думая о Волшебном камне и Девушке-Ночи, медленно погружался в сон. Станные, застывшие картинки, словно кто-то крутил диафильм, вспыхивали в моем отключающемся сознании. Они начали мелькать все быстрее и быстрее, пока не слились в какую-то фантазмагорическую панораму, охватившую разом всю Полыню, где стены и крыши домов стали прозрачными, а я, невидимый, плыл над поселком и видел тайную жизнь всех, кого упомянула тетушка Краб. И жизнь их была весьма и весьма любопытна...

Потом я заметил плывущую рядом со мной Девушку-Ночь, она действительно была прекрасна, и мы покинули эту землю, взмыв вверх, к звездам. Одна-единственная хрустальная звезда была наша, там мы должны были окончить наш воздушный путь.

– Вадим, – шептала мне Девушка-Ночь. – Вадим! Ты любишь меня?

– Люблю, – отвечал я, плененный ее неземной красотой.

– А я тебя – нет! – и лицо ее вдруг исказилось до неузнаваемости, приобрело смертельные черты покойницы.

А я, кажется, закричал от страха...

– Вадим! – повторяла тетушка Краб, тормоша меня за плечо. – Чего кричишь? Приснилось что? Да ты, вижу, совсем скис, дружок.

– А? Сморило меня... Больно хороша наливочка-то. Ну, так что там дальше было? – Я протер глаза.

– Где? Я тебе про электрика нашего рассказывала.

– Да шут с ним! Я к вольтам как-то не очень... Меня Девушка-Ночь интересует. Когда она последний раз появлялась?

– Будет тебе о ней думать! Еще накличешь на ночь. Ты, вижу, совсем с ног валишься. Давай-ка я тебе где-нибудь здесь постелю, ты и поспишь до утра. В обжитом-то доме и сон крепче.

– Нет, тетушка. – Я поднялся. – Пойду в свой.

Произнеся это слово, я впервые осознал, что у меня есть наконец-то свое собственное жилище.

– А не забоишься?

– Еще чего! Дураков нечистая сила не трогает. Они сами кого хошь заламают.

Уже на пороге, когда тетушка Краб перекрестила меня, я вдруг вспомнил, о чем хотел еще спросить ее.

– А кто такая Аленушка, девчушка с синими глазами? И с котом Крысом.

Лидия Гавриловна улыбнулась, прямо расцвела на глазах.

– Это дочка нашего батюшки, отца Владимира. Умница. Общая любимица. А ты где это ее встретил?

– Так... – махнул я рукой. – Довелось.

Потом попрощался, мы снова обнялись и почеломкались, и я пошел к своему дому, который белел в лунном свете метрах в трехстах отсюда.

Липы тянулись вслед за мной по обе стороны тропинки, как почетный эскорт. Я слегка покачивался, а один раз чуть не упал, споткнувшись о вылезшую на моем пути корягу. Это была явно не Девушка-Ночь. В голове все еще шумело.

Мне вдруг непреодолимо захотелось лечь на землю под каким-нибудь деревом, свернуться калачиком и заснуть. Но это желание неожиданно так же быстро прошло, и я из озорства загорланил на весь поселок дурацкую песню на слова собственного сочинения:

– Девушка-Ночь! Девушка-Ночь!
Выйди на свет! Ждать уж невмочь!
Девушка-Ночь! Девушка-Ночь!
Мне бы с тобой улететь прочь!

На этом поэтическое вдохновение покинуло меня, и я грустно пошел дальше, огорчаясь, что мне не дано писать так же, как, например, Афанасий Фет. И тут вдруг что-то белое мелькнуло рядом, между липами. Мелькнуло и спряталось. Я остановился, вглядываясь в деревья.

– Эй! – тихо позвал я и подождал минуты две. Но вокруг скопилась тишина и темень. И все же я знал, что кто-то следит за мной.

– Ну не хотите – как хотите! – громко произнес я и пошел дальше.

Меня не покидало ощущение, что кто-то продолжает двигаться параллельно со мной, прячась за цветущими липами, от запаха которых слегка кружилась голова. И еще я чувствовал, что меня изучают, как некий любопытный экземпляр, словно я – непонятный зверек, к

которому и хотят, но не решаются приблизиться. Подойдя к дому, я обернулся и крикнул в лунную пустоту:

– Ладно, будем считать, что знакомство состоялось!

Потом толкнул незапертую дверь (я позабыл это сделать, отправляясь к тетушке Краб), еле добрался до своей комнаты номер пять, пройдя не через зал, что было бы гораздо проще, а блуждая по другим помещениям. Совершив, таким образом, обходной маневр, я бросился наконец-то на кровать и отключился.

Спал я, наверное, часа три. Крайне мало. А вот что меня разбудило, так это ледяной холод, словно мое тело засыпало снегом. Я приподнял голову – сквозь открытое окно лился волшебный серебристый лунный свет. «Странно, – подумалось мне. – Я точно помню, что окно было закрыто». Дверь также была распахнута настежь, как бы приглашая в черный провал. Я чиркнул спичкой, но она тотчас же потухла: по комнате гулял сквозняк.

И тут я услышал не только скрип половиц, но и явные шаги, которые раздавались где-то поблизости. То ли в коридоре, то ли в зале. Осторожные такие шажки, словно кто-то подкрадывался (или, наоборот, удалялся?). В этом доме, полном шорохов и скрипов, трудно было сообразить сразу, кто, где находится и куда идет.

А из-за причудливого расположения комнат, когда дважды можно было попасть в дом, подвал и на чердак и шесть раз в зал, не считая того, что все жилые помещения еще и соединялись друг с другом через коридор, – вообще гоняться за предполагаемым посетителем можно было хоть до утра. «Дедуля соорудил настоящий лабиринт, – с тоской подумал я. – Здесь хорошо в прятки играть да в салочки. Или придумать новую игру: «Найди мой труп, или умрешь сам». Черт-те что в голову лезло.

Я больше не слышал шагов, но все же поднялся с кровати, искал в рюкзаке свой фонарик, взял в руку один из мечей и, как Гуго де Пейн, первый Великий магистр Ордена тамплиеров, ринулся на поиски сарацин. Я кружил по всему дому, открывал одну комнату за другой, несколько раз проходил через зал, спускался в подвал по одной лестнице и поднимался по другой, забирался на чердак, но неуловимый противник словно насмехался надо мной. Иногда мне слышались его шаги и даже где-то хлопали двери, а порою казалось, что я схожу с ума, поскольку вокруг стояла мертвая тишина.

Но я чувствовал, что это существо притаилось за моей спиной. Несомненно одно: если я гонялся не за тенью, а за реальным человеком, он знал дом гораздо лучше меня. Наконец, я устал от этих бесполезных поисков, вернулся в свою комнату, крепко затворил обе двери, закрыл окно и лег на кровать, продолжая сжимать рукоять меча. Но спать уже не хотелось. Мысли мои блуждали вокруг этого проклятого дома. Какого дьявола дед нагородил тут столько входов и выходов? Не жилище, а шарада какая-то. Нормальному человеку спокойно жить тут невозможно.

Но ответить на мой вопрос мог бы только сам дед. Надо было приехать к нему, когда он меня звал. А какого хрена он полез в начале марта в это озеро? Конечно, дед обливался ледяной водой даже в морозы, но... Но! Я чуть не подскочил на кровати. Мое сознание пронзила простая и очевидная мысль: ведь дед не умел плавать! Я вспомнил эпизод из детства, когда мы стояли на берегу Останкинского пруда, кругом плескались ребяташки, а дедуля не позволял мне лезть в воду, потому что... потому что и сам не умел плавать.

Но это означает, что его, возможно, сбросили с лодки в воду... Убили, утопили. Да, несомненно. И сделал это кто-то из жителей поселка. Или несколько человек. Скорее всего, двое или трое. Ведь дед был необычайно силен, даже несмотря на свой преклонный возраст. Сделав такое умозаключение, весьма похожее на правду, я сел на кровати и стал раскуривать сигарету. Я понял, что мне необходимо двигаться в этом направлении: выяснить, кто преступник. Найти убийцу или убийц. Обязательно. Иначе мне будет грош цена и я буду недостойн носить звание его внука. Я непременно должен это сделать, хотя бы ради памяти деда. И я решил прямо с утра

начать свои поиски, заняться расследованием смерти Арсения Прохоровича Свирнадского. Но делать это негласно, чтобы не привлечь внимание преступников. Ведь злодеи все еще тут, в Полынье. И еще неизвестно, как они поведут себя, обнаружив мое пристальное любопытство к ним. Не повторить бы судьбу дедушки...

Потом я откинулся на подушку. Как вести расследование, я еще не знал, но, подумав, что утро вечера мудренее, уснул со спокойной совестью. И ничто меня больше не потревожило. А утром, еще раз обойдя весь дом и заглянув в подвал, я вдруг совершенно случайно обнаружил, что тетрадки деда, его манускрипты с колдовскими рецептами, исчезли...

Глава 4. Объекты для изучения

Признаться, эта пропажа меня мало расстроила. Толку от дедовых каракулей все равно не было. Они представляли ценность разве что как память о нем. Но, значит, ночью здесь действительно кто-то был. Об этом говорили и отпечатавшиеся в пыльном подвале следы тупоносых башмаков размера эдак сорок третьего. Собственно говоря, и у меня «кегли» такой же величины, но кроссовки. Стало быть, наследил тут не я.

С чего начать поиски злоумышленника (ов)? Можно было бы, конечно, дожидаться приезда одного из моих гостей – капитана полиции Маркова, старого школьного друга (тот хоть соображает в этих делах по долгу службы), но он и остальные приедут лишь через пять дней. В популярных книжках и фильмах детектив-любитель поначалу всегда совершает множество ошибок, но судьба благоволит к нему, и в конце концов он неизменно одерживает победу. Кроме того, ему помогают такие же придурки, как он сам. Стало быть, нужно поискать подобных и здесь. И я уже знал, где искать...

Тетушка Краб сидела на крылечке и вязала чулок. Увидев меня, она вспыхнула от радости, залопотала, зачмокала и суетливо стала собирать на стол.

– Наливочки больше не дам, и не проси! – строго сказала она, будто я именно за тем и явился. – Ты вчера был оч-чень хорош! Весь в деда. Он тоже перебрать любил. А я ведь слышала, как ты шел и горланил что-то про Девушку-Ночь. Не накликал еще ее на свою голову?

– У нее вчера выходной был, – отмахнулся я и тут же напрямик спросил: – Тетушка, были ли здесь у моего деда враги? Ну, такие, которые желали бы его смерти?

Она призадумалась. Я в это время прихлебывал чай с молоком и уминал яичницу.

– Да нет вроде, – ответила, наконец, Лидия Гавриловна. – Он ведь, почитай, всех тут лечил. Климат-то у нас такой, что у кого – ревматизм, кто радикулитом мается, у кого суставы болят. Или эта... остеохондра привяжется. Кто ж своему знахарю смерти пожелает?

– Ну а этот, доктор ваш, Мендлев, кажется? Он что же? Отлынивал от работы?

– Вот они-то, пожалуй, были друг дружке соперники, – согласилась тетушка. – Но чтобы до смертоубийства дело дошло – нет. Такому не бывать. Мендлев тоже хороший. Хоть и борода козлиная.

– Ладно. Оставим пока козла в покое. Займемся другими персонажами. Или, сказать лучше: фигурантами этого темного дела.

– А ты что затеял, Вадимка? – шепотом спросила тетушка, боязливо оглядываясь. – Неужто думаешь, что Арсения...

Она даже побоялась выговорить конечное слово, поспешно и истово перекрестившись.

– Есть такая догадка, – хмуро подтвердил я. – Дело в том, что дед не умел плавать, а выловили его труп из озера. С какой стати он в воду полез?

– Он мне никогда не говорил, что плавать не может. Ты точно знаешь?

– Точнее не бывает. И я прошу вас, милая тетушка, помочь мне.

– Так всегда, охотно, только скажи, – и она снова засуетилась, будто бы именно сейчас надо было куда-то бежать, ловить, хватать убийцу и тащить его на судилище к сельским ревматикам с топорами и вилами.

– Вот что, тетушка, – остановил я ее порыв. – С этой минуты назначаю вас своим помощником. Ватсоном, если угодно. Основной работой займусь я, а вы, как старожил Полыньи, разбирающийся в хитросплетениях местной жизни, знающий все тайны Мадридского двора, пройдитесь по соседям, по знакомым, поспрашивайте, поинтересуйтесь, не знает ли кто чего, не слышал ли, не имел ли кто на деда зуб. Может быть, накануне гибели, у него с кем-либо произошла ссора? Важна любая деталь. Все, до мельчайших подробностей, будете передавать мне. Задание ясно?

– Вадим! – взмолилась Лидия Гавриловна. – Да говори ты толком, простым языком. А то: ватман какой-то, Мадрид... Испанцев здесь сроду не было.

– Не было – придут еще, вслед за таджиками. Ладно. Ваша задача: походить по домам, покалякать, втереться в доверие и, будто бы вспоминая деда, перевести разговор на него. Узнать: кто радуется его смерти, а кто искренне опечален. Так мы сузим круг подозреваемых лиц, а заодно и подберемся вплотную к искомому злодею.

Тетушка смотрела на меня круглыми от удивления глазами. Не догоняла краями. Тормоз, одно слово.

– Ясно? – рявкнул я, чтобы придать ее ускорение.

– Ой! – Она даже подскочила. – Все поняла, все. Сейчас же и пойду. Побегу даже.

– Э, нет, не торопитесь, спешка тут совсем ни к чему, задание запрете, – произнес я более мягким тоном. – Главное, действуйте с предельной осторожностью. Хитро. Чтобы не выдать себя. Вы можете наткнуться на главного преступника, и он обо всем догадается. И тогда, вполне возможно, и вы и я сами окажемся на дне этого озера.

Мне не хотелось понапрасну запугивать старушку, но она должна была ясно представлять себе всю степень опасности и сложности порученного ей дела. Сам же я решил действовать следующим образом: вызвать огонь на себя. Это было довольно рискованно, но мне хотелось показать всем, что я кого-то подозреваю. Дескать, я уверен, что мой дед умер не своей смертью, а его утопили. И именно с этой целью я и приехал в Полыню – найти преступника.

Это, на мой взгляд, был единственный способ заставить убийцу занервничать, как-то проявить себя, привлечь его внимание к моей персоне. Называется: ловля на живца, которым в данном случае был я сам. А там будь что будет. Главное – заставить его обнаружить себя. Чтобы мы могли сойтись лицом к лицу. Иного выбора в моей ситуации не было.

Сбегав домой и взяв соломенную сумку, я отправился в магазин за продуктами, посчитав, что в этом центре народного парламентаризма я засвечусь быстрее всего. На перекресток я вышел одновременно с пятидесятилетним мужчиной, сухощавым, с курчавой бородкой, в круглых очках и панамке. Некоторое время мы шли рядом, делая вид, что не замечаем друг друга. Он так же держал в руке соломенную сумку – изделие местных умельцев. Наконец мужчина повернул голову в мою сторону, приподнял панамку и вежливо произнес:

– Разрешите представиться – доктор Мендлев. А вы, насколько я понимаю, племянник покойного Арсения Прохоровича?

– Нет. Я его внук. Вадим Евгеньевич Свиридов, – любезно отозвался я.

– Густав Иванович, – отрапортовал сельский эскулап. И продолжил: – Поселок наш маленький, и о вас уже прошел некоторый слух. Очень рад, что в Полынье появился еще один интеллигентный человек. А то, знаете ли, живем мы довольно дико... Ну-с, вы ведь тоже собрались в магазин?

– Вне всякого сомнения. Наши соломенные сумки выдают цель нашей прогулки.

– Да-с, это продукция одного здешнего мастера. Разрешите, прежде всего, принести вам свои глубокие соболезнования...

– Полноте, прошло столько времени. Скажите лучше, что это на нас надвигается столь устрашающим образом?

Из-за поворота вышла группа женщин, числом около пятнадцати, чрезвычайно возбужденных и крикливых. Эта армада, размахивая соломенными сумками, направилась в нашу сторону. Впереди идущие несли транспарант, на котором было написано: «Движение свободных матерей Полыньи – ДСМП». Сопровождал группу раскачивающийся словно на шарнирах полицейский с багрово-отечным лицом и в сдвинутой на затылок фуражке.

– Ах, это! Это у нас такая женская организация. Не то феминистки, не то лесби... – Доктор Мендлев не окончил фразу, мы посторонились, пропуская демонстрацию, причем служивый (очевидно, это и был Петр Громыхайлов) чуть не отдал мне ногу сапогом. – Бациллы

демократии, – равнодушно добавил Густав Иванович. – Сейчас ведь вновь разрешено ляпать любые партии и движения.

– Все как у людей?

– А вы как думали? Цивилизация добралась и до наших богом забытых мест.

– А полицейский тут для чего? Чтобы не произошло столкновения и коитуса с «Движением свободных отцов Полыньи»? ДСОП.

– Нет, – усмехнулся доктор. – Очевидно, бюститель просто идет по своей надобности.

– Но в ногу с матерями-девственницами Полыньи. А этой «надобности», мне кажется, ему уже хватит. Судя по цвету мордэны, напоминающей «Страну багровых туч». То бишь утреннюю звезду – Венеру.

– А вы наблюдательны, Вадим Евгеньевич. Да-с, господин Громыхайлов страдает этой извечной русской болезнью.

– Ну отчего же она только «русская», Густав Иванович? Вы, немцы, нам всегда льстите. Если не идете завоевывать.

– Я обрусевший немец, – несколько обиделся Мендлев. – Мои предки приехали в Россию триста лет назад. И честно ей служат.

– Не сомневаюсь. А здесь-то как оказались?

– Судьба-с. А точнее – Минздрав-с.

Вот так, мило беседуя, мы подошли к продуктовому магазинчику, который представлял собой одноэтажное, хотя и чрезвычайно длинное и широкое здание. Называлось оно, естественно, «Супермаркет». Внутри помещение было разделено на несколько отсеков, где имелись и съестные припасы, и хозяйственные принадлежности, и кое-что из одежды, обуви, и даже некоторые ювелирные изделия. Вернее, бижутерия.

У прилавка застряло человек пять-шесть покупателей, а продавщица (она же и хозяйка магазина) сидела за кассой. На ее широкоскулом и крутобровом лице тоскливо моргали глаза испуганной оленихи.

– Зинаида Алексеевна! – вкрадчиво обратился к ней доктор Мендлев. Я заметил, что у него несколько необычная, осторожная манера общения с людьми, словно он каждого считал своим будущим пациентом, который в данный момент передвигается на своих двоих лишь по странному недоразумению. – Не привозили ли еще лекарства по моему списочку?

– Только обзидан и сомапакс, – механически ответила продавщица, заглянув в бумажку.

– Что ж! Давайте хоть это, – вздохнул доктор. – И пять банок шпрот.

Я побросал в сумку различные консервы, выбрал для Милены симпатичное лазуритовое колечко, расплатился и вышел из магазина вслед за доктором Мендлевым.

– Героическая женщина, знаете ли, – произнес он. – Сына приговорили к пожизненному, а она держится.

– Так ведь он, насколько мне известно, сбежал?

– Точно-с. – Доктор удивленно вскинул брови. – А ваш Абвер неплохо работает.

– Сигуранца, – поправил я. – Для того и прибыл, чтобы навести кое-какие справки.

– Какие же?

– По поводу смерти моего деда. – Я решил, что пора переходить в наступление. – У меня есть подозрение, что он умер не своей смертью.

– Да? Зайдем теперь в булочную? – предложил доктор, никак не среагировав на мое заявление. Это меня удивило и огорчило. Выстрел оказался вхолостую.

Пекарня размещалась неподалеку. Лотки со свежее испеченным белым и ржаным хлебом лежали прямо на прилавке, за которым стоял пузатый и грозный дядя с рыжими усами. А над его головой висел красочный плакат: «Коммунистам, либералам, фашистам и гомосексуалистам – хлеба нет, не было и не будет!»

– А кому же тогда – «будет»? – резонно спросил я у забавного хлебопека: – И как вы определяете, кто есть кто?

– По запаху, – сурово ответил булочник, подкручивая вверх усы и с явным подозрением приносясь в мою сторону.

– О нет, Ким Виленович! – угадал его мысли доктор Мендлев. – Наш гость, вне всякого сомнения, достоин любых хлебных изделий, включая булочки с маком. Ручаюсь. Это внук Арсения Прохоровича.

– Рекомендация принята, – кивнул пекарь, благосклонно сунув мне бородинский. – Угощаю. За счет заведения.

– Спасибо, друг, – поблагодарил я. – Разделяю твои взгляды. Мы им всем навалием.

– Удачи, браток! – отозвался он. И совершенно неожиданно для меня добавил: – Мы найдем убийцу твоего деда. Не сомневайся.

Значит, подумал я, моя версия о насильственной смерти деда уже давно гуляет по Полынье. И я не одинок в своих предположениях. Когда мы вышли на улицу, доктор Мендлев предложил заглянуть к нему в медицинскую часть, пропустить по мензурке чистейшего спирта. Я, переваривая последние слова булочника, механически согласился. Все-таки странно, что Ким Виленович вот так сразу в лоб заявил об убийстве деда. Он был первым, кто столь безапелляционно озвучил мои мысли. Случайно ли? Порою не только сыщик, но сам преступник готов вызвать «огонь на себя», чтобы заставить другого выложить карты. Не стоит забывать и об этом...

Мимо нас медленно проехал джип «Чероки», в котором сидело два человека в камуфляжной форме, с гипсовыми, застывшими лицами. Я ощутил на себе лишь острые, прощупывающие взгляды двух пар глаз.

– И все-таки странно, что у вашего хлебного баронета такие прокоммунистические имя и отчество. Как-то это не соотносится с его идейными взглядами. А в остальном у вас все как в Москве. Мне кажется, что я даже никуда не уезжал. Просто столица вдруг уменьшилась до размеров Полыни.

– Да, забавно, – согласился доктор. – Но это и естественно. С кого же еще брать пример в таких маленьких поселениях, как не с Большого Брата? Мы – маленькая часть России, капиллярный сосудик в ее огромном теле, таких множество. Но чтобы организм функционировал нормально, нужно и профилактикой заниматься. Каждую болячку лечить. Иначе – тромб.

– Не похоже что-то, чтобы об этом задумывались в Кремле, – отозвался я. – А впрочем, там не голова России, а ее желудок. Ладно. А кто были эти, в джипе?

– Охранники Намцевича, – пожал плечами Мендлев. – Да в общем, неплохие ребята. За порядком следят. Надо же кому-то... Громыхайлов только грохочет, когда напьется, а в остальное время спит.

– Ну-ну, – только и сказал я.

Вскоре мы сидели в его кабинете: доктор – за своим столом, на котором лежали фонендоскоп, аппарат для измерения давления и даже переносной электрокардиограф, а я – на кушетке, покрытой клеенкой.

– Ну-с, выпьем за знакомство? – предложил Густав Иванович.

– Дернем, – согласился я.

– Вам дистиллированной водой разбавить?

– Обижаете.

На столе появился рифленый пузырек, две мензурки и банка с солеными огурчиками. Мне почему-то этот человек начинал нравиться все больше и больше. Хотя я понимал, что в числе подозреваемых он – один из первых. Поскольку, как ни крути, а дед являлся его единственным конкурентом во врачебной деятельности. Других-то врачей тут не было. Но весь мирный облик Мендлева как-то не вязался с классическими признаками убийцы.

– Прозит! – сказал доктор.

– Вах! – ответил я, чокаясь с ним мензуркой.

Спирт был действительно превосходный. У меня хорошая школа по этому делу. Можно сказать, красный диплом, с отличием. Ведь еще Островский устами своего персонажа Шмаги сказал, что место артиста – в буфете. Там я и набрался образования.

– Мне кажется, вы хотите меня о чем-то спросить? – произнес Мендлев, захрустев огурчиком.

– Хочу.

– Спрашивайте, не стесняйтесь. Что-нибудь о вашем деде?

– Об этом потом. Времени у нас впереди много.

– Кто знает! – многозначительно вздохнул доктор, разливая по второй.

А я свернул к другой теме, которая меня также чрезвычайно заинтересовала:

– Что вы думаете об этой местной легенде? Девушка-Ночь, Волшебный камень... Какие-то гоголевские сказки. Нечто инфернальное, не так ли?

Я заметил, что Густав Иванович как-то испуганно вздрогнул и поморщился, словно его кольнули в больное место. На мгновение смешался, в глазах за стеклами очков появилась растерянность. Но он быстро взял себя в руки.

– Ерунда... Никакой мистики во всем этом нет. Я вообще в чертей не верю и вам не советую. Иначе быстренько ко мне в палату номер шесть попадете. Я ведь и психиатр тоже.

– Многостаночник?

– У меня два высших образования. Аллопат и психотерапевт. Ну какая может быть Девушка-Ночь, сами посудите? Просто местное предание. А вот Волшебный камень действительно существует. Сам ходил к нему не раз и трогал руками. Кстати, он лежит неподалеку от вашего дома. И представляет собой, скорее всего, какой-то осколок метеорита.

– Вот как?

– Да-с. Молва приписывает ему волшебные свойства потому, что в любое время года он сохраняет тепло. Даже в зимнюю стужу снег вокруг него мгновенно тает. Почему такое происходит, я не знаю. Возможно, какая-то особенность его структуры. Или почвы вокруг него. Аномальная зона. Наверное, в этом месте выходят болотные газы. Сколько раз мы писали в Москву, и в Минздрав, и в Академию наук, и даже на Старую площадь, но никто к нам так и не соизволил приехать. Заняты распилкой бюджетных средств. Вот тут медлить никак нельзя. Это важнее всяких загадочных метеоритов в какой-то там Полынье.

– Правильно. Надо бы сходить, посмотреть на это чудо-юдо. Вот почему его так облюбовала Девушка-Ночь: совершать таинство любви на таком Волшебном камне – это, должно быть, нечто! Какая уж там кровать с подогревом! Никакого сравнения.

– Да нет же никакой Девушки-Ночи, – почти в раздражении отозвался доктор. – И вы туда же!

– Нет – так будет, – миролюбиво отозвался я. – Чего это вы так взволновались? Родственница она вам, что ли?

– Ну вы уж совсем... По третьей?

– А то! Ну, хорошо. А скажите, мой дед сильно мешал вашей практике? Ведь вы, кажется, платный доктор?

– Мешал, – думая о чем-то другом, проговорился Мендлев, разливая спирт.

– И поэтому вы его убили?

Густав Иванович открыл рот, уставившись на меня, потом закрыл. Затем снова открыл и опять закрыл. Как выброшенная на берег рыба. Я вновь чокнулся с его мензуркой и выпил. Он тоже. Только после этого ответил:

– Ну, знаете ли... это уж вообще ни в какие ворота... Шуточки у вас, Вадим Евгеньевич...

– Да какие уж шутки. Шекспировские трагедии.

Ситуацию разрядила заглянувшая в кабинет медсестра Жанна, этакая рыжая ведьмочка, с ходу стрельнув в меня зелеными, жадными глазами.

– К вам пациент, Густав Иванович. Дрынов. Здравсьте! – последнее относилось ко мне.

– И вам – мерси! – широко улыбнулся я, послав ей на всякий случай воздушный поцелуй. Это спирт начинал действовать.

– Проси, – доктор забарабанил по столу пальцами, с намеком взглянул на меня. Я поднялся, чувствуя себя лишним.

– Нет, нет, не уходите пока, я вас познакомлю. Это наш газетно-журнальный король, через него проходит вся пресса. Потомственный спирт, между прочим... Личность исключительная в своем роде.

Вошедший мужчина, король-киоскер, имел благородную внешность, был высок, бледен, с серебром в шевелюре. Он долго тряс мне руку, заглядывал в глаза, а потом поинтересовался: как я отношусь к спиритическим сеансам и каббале?

– Да никак, мне фиолетово, – ответил я. – Еще не приходилось сталкиваться лоб в лоб. А что?

На что местный оккультист тотчас же предложил:

– А не хотели бы присоединиться?

– Я всего хочу. Только сразу.

– Тогда завтра, в десять вечера, я жду вас у себя. Мы собираемся по вторникам. Густав Иванович, надеюсь, не откажется сопровождать вас.

– Я зайду за вами, – пообещал мне на прощанье доктор Мендлев.

А я, выйдя на улицу и немного поразмыслив, направил свои стопы к местной кузнице. Мне очень хотелось побеседовать с лучшим другом, как уверяла тетушка Краб, моего покойного деда.

Глава 5. Борьба стихий

По дороге к кузнице, которая находилась на окраине поселка, мне встретила Аленушка – фиалка этих не слишком веселых мест.

– Пойдем со мной! – предложил я ей. – Может быть, дядя Потап тебе подковку подарит. На счастье.

– А у меня уже есть одна. Он мне ее выко... вырвал, – ответила малышка.

Вскоре мы подошли к жерлу местного вулкана, откуда доносился грохот железа и удары молота. Двери кузницы – деревянного амбара – были распахнуты настежь, а внутри, где в печи бушевал огонь, выбрасывая языки пламени, Гефест Полыньи со своим помощником ковали какое-то непонятное для меня, городского жителя, изделие. Потап Ермольник был широк в плечах, жилист, коренаст и, кажется, как и его олимпийский покровитель, тоже прихрамывал. Встретил он меня угрюмо, не выразив никакого восторга по поводу моих родственных связей с его усопшим другом.

– Иди, Степа, погуляй пока, – сказал Ермольник своему подмастерью, и тот, усадив на плечо хохочущую девчушку, вышел из кузницы.

Некоторое время мы молча присматривались друг к другу. Я чувствовал, что вызываю у этого богатыря неприязнь. Но почему? Ничего не понятно. Или у него характер такой? Наконец, кузнец довольно-таки грубо произнес:

– Ну, чего пришел? Шляются тут...

– Хочу поговорить, – миролюбиво отозвался я.

Но разговаривать он явно не желал. Пришлось брать быка за рога.

– Меня интересует смерть моего деда, – сказал я, выждав театральную паузу. Это я умею делать. Тут главное – не перетянуть. Ермольник, продолжая орудовать молотом, не оборачиваясь ко мне, бросил:

– Опомнилась попа, когда ночь прошла. Где ж ты раньше был, парень? Когда он тебя ждал тут. Говорил: вот скоро приедет, скоро уже... Дождался. Прибыл. На каникулы. Уж лучше бы и не приезжал вовсе.

– Я не мог вырваться, – соврал я. – Съёмки в кино, спектакли. Я ведь существо подневольное.

– Кино-о, спектакли-и, – язвительно протянул он. – Артист, что ли? Артист, сразу видно. Все вы артисты.

– Да что я вам плохого сделал? – возмутился я. – Где я вам дорогу перешел?

– У нас дорожки-пути разные. Я прямо иду, а вы все криво.

– Да что вы все обобщаете? Всех под одну гребенку чешете?

– Право имею, – с вызовом ответил Ермольник. – Насмотрелся в жизни.

Но тут он вдруг неожиданно смягчился. Отставил молот, зачерпнул кружкой воды из бака и протянул мне.

– На вот, испей. В кузне вода особую чистоту и сладость имеет. Живой становится. Потому как грохот железа из нее все бациллы выгоняет.

Я попробовал, ничего, вкусно (а было действительно жарко), так и осушил до дна. Мастеру, видно, это понравилось.

– А некоторые брезгуют, считают – грязная, – проговорил он. – Я вот тут у себя проверяю, кто как воду пьет. С ужимками, из вежливости или от души. Сразу человека видно. А ты не поморщился. Молоток, хвалю.

– Теперь будете со мной говорить нормально? – спросил я, улучив момент.

– Ладно, валяй, – смиростивился он. – Чего надо-то?

– Почему вы установили столь странное надгробие на могиле деда? Скрещенные мечи, руки из земли... Что это все значит?

Он помолчал. Видимо, у него тоже была своя, кузнечная пауза. Потом ответил:

– Что ж, скажу. Об этом меня просил твой дед еще два года назад.

– Но что за дикая фантазия? Для чего?

– Для чего? – Ермольник усмехнулся, а угрюмое лицо его от этого как-то сразу подобрело. – Он сам растолковал мне, для чего. Потому что это борьба двух стихий – темных и светлых. Которая проходит не где-нибудь, а в душе человека. Борьба эта вечная и продолжается даже после смерти, так считал твой дед. Вот почему руки тянутся из-под земли – оттуда, где покоится мертвое тело. Понимаешь теперь? Борьба в загробном мире. А может, и со смертью тоже, – добавил он, подумав.

– Странно... – произнес я в полной растерянности. – Мне кажется, это уже не похоже на аллегорию... Черная магия какая-то. А вы ковали когда-нибудь для деда настоящие мечи?

Ответа пришлось ждать еще минуты две. Затем нехотя последовало:

– Да. Года четыре назад. Два меча смастерил.

– А зачем они ему понадобились?

– Не знаю, парень. Он не всегда посвящал меня в свои замыслы. Да вообще никогда не говорил, что к чему.

– Хорошо, а были ли у него тут враги?

– Что ты имеешь в виду?

– Не думаете ли вы, что его могли убить?

Ермольник хмуро посмотрел на меня, отошел к чану с холодной водой, зачерпнул полную жестяную кружку и долго пил, запрокидывая голову все выше и выше. Затем вытер ладонью губы. И только после этого ответил совершенно будничным голосом:

– Мне незачем думать. Потому что, видишь ли, я знаю.

– Что знаете?

– Что его утопили.

– И молчали до сих пор?! – почти выкрикнул я. – Как? Кто это сделал?

Кузнец произнес всего одно слово:

– Они... – Потом похлопал меня по плечу и добавил: – Вот что, парень, потолкуем об этом в другой раз. Больше я тебе пока ничего не скажу. А как-нибудь вечером загляну домой. Ты же постарайся вести себя потише. Не высовывайся.

– Но...

– И хватит об этом! – строго оборвал он меня, и в его словах была такая сила, что я молча опустил голову. Кого он имел в виду, кто такие «они»? И тут взгляд мой упал на его башмаки – тупоносые, большого размера, никак не меньше сорок третьего. Не эти ли ботиночки оставили следы в моем доме сегодняшней ночью? Но если у меня побывал кузнец, зачем ему понадобились тетрадки деда? У меня накопилось много вопросов, но ответов на них я здесь уже не получил бы, потому что Ермольник закричал над самым моим ухом:

– Степка! Хватит прохлаждаться! Подь сюда, печь стынет!

Я вышел из кузницы, взял Аленушку за руку, и мы направились к поселку. «Ладно, – подумал я в некотором раздражении. – Сам разберусь, кто убил деда. Главное – я теперь точно знаю, что он умер не своей смертью. И что убийц было несколько. По крайней мере, не меньше двух».

– А вон папа идет! – выкрикнула вдруг Аленушка и побежала вперед, к шедшему нам навстречу священнику, которого я видел накануне в церкви. Он с улыбкой подхватил ее на руки, поцеловал и подождал, пока я подойду ближе.

– Здравствуйте, батюшка, – сказал я, наклоняя голову. – Вы уж нас извините, это я виноват, уговорил ее пойти со мной в кузницу.

– Ничего, ничего, – ответил он, продолжая улыбаться. – Она у меня самостоятельная, просто сладу нет. Я уже слышал о вас. Приехали надолго?

– Как получится.

Мы были с ним примерно одного возраста, только небольшая борода пшеничного цвета, прорезанное ранними морщинами лицо да усталый, но какой-то мягкий и теплый взгляд делали его старше. Я вспомнил, о чем мне говорила тетушка Краб: какую титаническую борьбу с сектой проповедника Монка вел здесь этот человек, сражаясь практически в одиночку за души прихожан.

Дальше мы пошли все вместе. Я разговорился с отцом Владимиром. Меня, конечно же, интересовал дед. Все, что было с ним связано. И чего я лишился, столь легкомысленно отбросив общение с ним.

– Часто ли он посещал церковь? – спросил я.

Священник смущенно кашлянул:

– Должен вас огорчить. Он был не слишком усердным прихожанином. Скажу больше: за те четыре года, что я возглавляю приход, мне довелось видеть его в храме всего несколько раз. Но приватные беседы с ним мы вели. В его доме.

Меня почему-то удивило это. Я не мог представить себе отца Владимира в таком месте, где и сам-то чувствовал себя неуютно, где таился страх и какая-то неведомая мне опасность.

– Да, да, – снова улыбнулся священник. – Должно быть, и вам этот дом внушает неприязнь. Я предлагал Арсению Прохоровичу освятить его, и коли там поселилась нечистая сила, она покинула бы те стены. Но он всякий раз отказывался... Наверное, это моя беда, что я так и не смог его убедить.

– О чем же вы с ним беседовали, отец Владимир? – спросил я. – Простите, меня влечет не простое любопытство, а желание понять: что же за человек был мой дед, какая борьба шла в его душе и кто в конце концов одержал верх?

– Его любили и уважали здесь, в поселке, – мягко отозвался священник, наблюдая, как Аленушка рвет полевые цветы. – А такие чувства плохой человек не вызовет... Плохого будут бояться, тайно презирать, но любить – никогда... Мы говорили о разном. О боге и вере, о человеческих заблуждениях, о тех силах, что тянут человека вниз, к дьяволу, об исцелении души и тела и возможно ли одно без другого. Мне искренне жаль, что он умер, так и не приняв последнего причастия. Внезапно. Жалко.

Последнее слово в его устах прозвучало почти так же, как сказала мне Аленушка при нашей первой встрече. И он словно бы повторил вслед за ней еще раз:

– Жалко.

– Мне кажется, его убили, – произнес я. Лицо отца Владимира чуть дрогнуло, он поднял на меня ясный взгляд. Глаза у него были такие же синие, как у Аленушки, в них таилась какая-то прозрачная чистота. И он просто спросил:

– У вас есть доказательства тому?

– Пока только предположения.

– Что вы намерены делать?

– Искать. Искать убийц.

– Возможно, бог уже наказал их, – задумчиво произнес он. И добавил: – Вам будет трудно справиться в одиночку.

– Но вы же ведете свою борьбу почти один, я знаю.

– То другая борьба. И протекает не только здесь, на земле. Я – всего лишь слугитель божий. Ну что ж, мне пора...

Он подозвал к себе Аленушку, и она прижалась щекой к его ладони. В ее руке был уже целый букет цветов.

– Вот еще одна моя опора, – с улыбкой сказал отец Владимир, потрепав ее по льняным волосам. – Примите на прощанье мой совет: даже борясь со злом, не уподобляйтесь ему, не закрывайте свое сердце наглухо, иначе со временем и вы сами переродитесь. Вы перестанете различать границы – где ложь, а где правда, где дозволен человеческий, а где лишь божий суд, который не обратим ни для кого из нас, и это перерождение, эта мутация станет губельна для вас. Приходите ко мне почаще, еще потолкуем.

Глава 6. Расследование продолжается

Дорога из городка N. как бы переходила в главную улицу поселка, упиравшуюся в центральную площадь Полыньи. От нее уже лучами расходились маленькие улочки, вдоль которых располагались дома жителей. Некоторые строения имели запущенный вид, другие, наоборот, говорили о хорошем достатке хозяев.

Я отправился посмотреть на озеро, в котором утонул дед. Поодаль располагались домики рыбаков. Возле каждого из них на длинных шестах сушились сети, а лодки красовались на берегу. Рядышком сидели трое мужчин, покуривая трубочки. Несмотря на довольно жаркий день, тут же дымился небольшой костерок.

Я постоял на берегу, любуясь светло-голубой гладью. Странно, но я не чувствовал вражды к расстилавшимся передо мной водам, которые поглотили моего старика. Наоборот, они манили меня к себе, словно и я должен был пройти путем деда. Постояв так некоторое время, я направился к группе рыбаков возле костерка. Они, прервав беседу, с любопытством посмотрели на меня.

– День добрый и хорошего вам улова! – сказал я. – А что здесь водится-то? Пирании есть?

– Все есть, даже утопленники, – засмеялся один из них, с рябым лицом. – Рыбки хотите купить?

– Окуньков, пожалуй, взял бы, – согласился я. – Штучек десять.

– Как раз для вас и приплыли. – Рябой ушел в дом и вскоре вернулся с ведерком. – Забирайте. Тару только потом не забудьте вернуть. Вы ведь внук Арсения?

– Да, – ответил я, расплачиваясь. – А вы его хорошо знали?

– Кто ж его не знал! Он тут всех лечил. Особливо нас, кто, почитай, весь день и ночь в сырости проводит. А вы тоже знахарствуете? Или так, баловством пробавляетесь?

– Ага. Пробавляюсь.

– Жаль, жаль... Мы-то думали: вот, внук на смену деду приехал. Значит, оборвалась ниточка, кончилось его мастерство вместе со смертью.

Впервые я почувствовал стыд оттого, что глупо транжирил время, вместо того чтобы хоть чему-то научиться у деда. Не за теми сокровищами гонялся. А овладей я его знаниями, так, наверное, и меня почитали бы, как его самого. А так – кто я? Бесполезный актеришка. Чтобы скрыть свое смущение, я поинтересовался:

– Где обнаружили его тело?

– Вон в тех камышах, – показал рукой один из рыбаков. – Мой брат Валентин наткнулся. Пошел ранним утром, извиняюсь, по нужде и углядел. Валька сейчас в городе, вам бы с ним потолковать надо.

– Обязательно.

– Как вернется, я его к вам пошлю.

– А как он... выглядел?

– Ну как выглядят утопленники? – вмешался рябой. – Полежи недельки три в воде, так и узнаешь... Лицо у него было сильно попорчено. Раки да окуни – самые первые враги утопшим.

Я невольно поглядел на плескавшихся в моем ведерке окуньков.

– Его с трудом-то и распознали, – продолжил между тем рябой. – Если бы не перстень на пальце...

– Какой перстень?

– Серебряный такой, печатка. Он его на указательном пальце носил.

Я вспомнил: да, был такой перстень у деда, он с ним никогда не расставался, говорил, что даже снять его не может. Фамильный. Достался от его отца, моего прадеда. Помню даже, что в последнюю нашу встречу дед сказал, что оставит его после смерти мне, как единственному

продолжателю рода. Намекал, что перстень этот заколдован, обладает магической силой. Я тогда как-то неумно посмеялся над ним, из-за чего он, кажется, втайне обиделся.

– И где сейчас этот перстень?

Рыбаки переглянулись, пожали плечами.

– Так ведь... его так и похоронили с ним. Да и зачем снимать? Грех это.

– А вы ничего такого странного не заметили? Может, следы какие-нибудь были на труп?

Раны.

– Нет, это вам все ж надо с Валентином поговорить. Мы тогда все далеко в озере были. А когда вернулись, его уже укрыли и увезли к доктору, на ледник. Петька Громыхайлов и двое ребят от Намцевича.

– А они-то тут при чем?

– Вот поживете подольше – узнаете, – уклончиво отозвался рябой. И добавил: – А доктор и вскрытие делал. Чего уж он там обнаружил, не знаю.

– А вам не кажется, мужики, что его... убили?

Я вновь использовал свой метод: вопрос в лоб. Рыбаки как-то притихли, отводя от меня взгляды. Казалось, они ждали этого вопроса, или он витал тут, на берегу, еще до меня. По крайней мере, они наверняка обсуждали его между собой, – это было заметно по их растерянно-озабоченным лицам.

– Темное дело, – произнес, наконец, один из них. – Чего ему в воду-то было лезть в такое время? Мы и не видели никогда, чтобы он купался. Так, окунется у берега – и обратно.

– А может быть, он... того... сам? – предположил рябой. – Иногда бывает, что жизнь тебе – вот так! – И он провел ребром ладони по горлу.

– Не-а! – возразил другой. – Точно знаю. Арсений мне сам за день до этого говорил, чтобы я ему к воскресенью хорошую щуку выловил. Ждал он кого-то к себе в гости. Сказал: хочу угостить знатно. Ежели гостей ждут – в озеро не лезут.

– Но в то воскресенье никто из посторонних в поселке не появлялся? – спросил я. – Припомните.

Рыбаки почесали в затылках.

– Нет... Кажется, нет... Сюда вообще редко кто приезжает.

– Значит, он мог ожидать кого-то из местных? Кому хотел оказать особые почести. Или того, с кем желал примириться, – предположил я. – Следовательно, до того с этим человеком у него произошел разрыв, ссора.

«С кем же? – подумал я про себя. – С кем можно поссориться, как не с близким другом?» Далее я развивал свою мысль так: первое – дед топят какие-то третьи лица, чтобы не дать ему возможность для примирения, поскольку оно может представлять для кого-то опасность; второе – сам друг убивает его, не зная, что дед желает с ним помириться, так как ссора достаточно серьезна; третье – эта ссора вообще не имеет никакого отношения к его смерти, а настоящая причина кроется в чем-то другом; четвертое – он действительно ждал какого-то важного гостя из города, но тот не приехал (или знал, что ехать бессмысленно, потому что дед уже мертв?); пятое (и самая невероятная) – дед и в самом деле покончил с собой, а чтобы замести следы самоубийства, заранее придумал какого-то мифического гостя.

Но эта версия меня устраивала менее других, поскольку я знал о жизнелюбии дедули. Хотя, может быть, он уже был к этому времени смертельно болен и догадывался об этом? Все возможно... Вопросы, вопросы... Я чувствовал, что пора закругляться, больше мне от них ничего не добиться.

– А что это у вас флотилия такая маленькая? Всего семь лодок. И больше ни у кого из жителей плавсредств нет?

– Как же, у Намцевича имеется. Быстроходный катер. Он на нем гоняет иногда, рыбу пугает.

– Понятно. Так когда Валентин вернется?

– Дня через три.

– Ладно, мужики, спасибо. Вы бы мне к субботе тоже рыбки наловили. Гости у меня будут.

– Сделаем, – пообещали мне. – Только уж тогда в озеро с головой не лезьте. Как дед.

Попрощавшись, я отправился к тетушке Краб, отдав ей свой «улов». Она сразу же села чистить рыбу, пообещав угостить меня отменным блюдом: окуни, запеченные в сметанно-чесночном соусе с добавлением томатного сока и гарниром из мелко порубленного папоротника. Нечто потрясающее.

Попутно она мне рассказывала о своем «улове», о той информации, которую ей удалось раздобыть через своих подружек-старушек. Мой «Ватсон» поработал на славу. Выяснилось, что за несколько дней до смерти дедуля имел весьма неприятные контакты, перешедшие в ссору, с тремя лицами. С проповедником Монком, с пекарем Раструбовым и, как ни странно, со своим ближайшим другом – кузнецом Ермольником.

– Давайте поконкретнее, тетушка, – сказал я, усаживаясь поудобнее. – В деталях. Главное подозреваемое лицо все же доктор Мендлев – у него с дедом была давняя профессиональная вражда. Ну а с этими-то тремя что?

– Соседка моя, Марфа Терентьевна, видела, как накануне гибели Арсений стоял вместе с Монком возле его капища, а затем – ни с того ни с сего – вдруг как хватить Монка за длинную бороду, да и потащил за собой. Метра три тянул, пока тот не вырвался и не убежал. Никто этого больше не видел, только она. Марфа-то тогда чуть со смеху не померла.

– Забавно. Дальше.

– Другая моя приятельница, Степанида, зашла как-то в пекарню, а там Арсений и Кимка кричат друг на друга, ссорятся. А потом Арсений не выдержал и влепил ему здоровенную плеху. Так Раструбов аж в мешки с мукой повалился. А когда Арсений к выходу пошел, так пекарь ему и прокричал вслед: дескать, убьет его. Степанида все это слышала, хотя и стояла в сторонке. Но в чем суть ссоры – не знает.

– Еще одно оскорбление действием, – заметил я. – Дедуля-то наш драчун был, а? Прямо Депардьё с Бельмондо в одной шкуре.

– Что ты! Рука тяжелая, – согласилась тетушка и покраснела. Видно, и ей кое-чего перепадало от дедушкиных «ласк».

– Ну а кузнец? Он-то в чем провинился?

– Говорила я с Зинаидой, продавщицей нашей из магазина...

– Стоп! – прервал ее я. – При этом присутствовали покупатели?

– Да... были... – растерянно ответила она.

– Ну вот и напрасно. Я же предупреждал, что надо действовать осторожно, расспрашивать наедине. Что же вы такая непослушная, тетушка? Ну ладно, продолжайте.

– За день до его исчезновения пошла она в кузницу. Только дошла, а из дверей Арсений выскакивает, сам не свой, аж трясется весь. Обернулся назад и кричит: «Старый ты дурак, Потап, такой ты сякой! Видеть тебя не могу! Верни, что у меня брал, иначе худо будет!» И пошел прочь.

– Так и сказал?

– Слово в слово.

Я задумался. Это уже было что-то горяченькое. Мог ли Ермольник убить моего деда за какую-то вещь, которую тот ему дал? Выходит, сегодня днем он водил меня за нос? Или их ссора не стоит и выеденного яйца? Друзья порой частенько бранятся. Надо выяснить, что требовал дед от кузнеца? Что было дорого обоим? И в зависимости от этого – плясать дальше. А вообще-то у меня выходила какая-то странная «пляска»: то гопак с массовой, то в одиночку вприсядку, а то и смертельно заворачивающее танго с невидимым убийцей.

После сытной и здоровой трапезы я слегка задремал на кушетке. Здесь, в Полынье, все время хотелось спать – наверное, свежий воздух действовал. В Москве так не отдохнешь. Но через полчаса я очнулся, поскольку во сне меня посетила еще одна мысль. Или не мысль даже, а вполне логический довод. Вот такой. На сцене ведь есть еще один персонаж, о котором я позабыл: сын Зинаиды, убийца, приговоренный к пожизненному заключению. Скрывающийся предположительно где-то здесь, в районе Полыньи.

По срокам совпадало, что он мог появиться в поселке в момент или чуть раньше исчезновения деда. А что, если именно он проник в дом и убил его хозяина? Очень удобно: замочи деда и живи сколько влезет, никто тебя там не найдет. Но тогда выходит... Тут я, признаться, похолодел. Выходит, что он и до сих пор прячется там, теперь уже в моем доме. И может быть, именно он прошлой ночью бродил по комнатам?

– Чего это ты так побледнел, Вадим? – заботливо спросила тетушка Краб. – Не плеснуть ли тебе наливочки?

– Плесните, – потухшим голосом отозвался я.

Мысль, что под боком, где-то на чердаке или в подвале, затаился настоящий убийца и точит на нового хозяина дома нож, меня, мягко говоря, весьма огорчила.

– Тетушка, а за что посадили сына Зинаиды? – на всякий случай поинтересовался я.

– Ой, Вадим, слухи-то разные ходят, а никто ничего толком не знает. Зинаида молчит, как партизан. Говорят, то ли насильником он был, то ли семью целую вырезал... Страсть!

– Страсть, – уныло согласился я. – Маньяк, значит? И все-таки постарайтесь еще раз порасспросить Зинаиду. Это очень важно.

– Хорошо, миленький, попробую.

– А теперь вернемся к доктору Мендлеву. Честно говоря, он показался мне довольно необычным человеком. Интеллигентным. Вдумчивым. Вежливым. Меня интересует: почему он живет один, почему у него нет семьи?

– А была у него жена, была! – обрадованно заговорила тетушка. – Когда он приехал к нам, то привез с собой и супругу. Да интересную такую, красавицу! И моложе она его была лет на тридцать. Где он ее только такую ухватил, старый прыщ? Но, видно, не по сердцу ей тут пришлось. Покрутилась она с месяц да и убежала.

– Бросила его?

– Бросила. Только ее и видели.

– Не повезло, значит... А Жанна, медсестра его?

– Ну-у... Эта-то на все горазда. Глядишь, скоро она докторишку-то и подцепит.

– Ладно, тетушка, на сегодня довольно. Выражаю вам благодарность за отличную работу.

– Служу Советскому Союзу! – торжественно ответила тетушка Краб. Все-таки у нее было чувство юмора.

Я поцеловал ее в лоб и пошел к себе домой. Было еще светло, и, приближаясь к дому, я насвистывал какую-то веселую мелодию. Наверное, чтобы поддержать себя, потому что мне было как-то неприятно смотреть на зловеще чернеющие проемы окон моего «особняка».

Казалось, что кто-то стоит там и точно так же выглядывает меня. Ждет. Выбирает удобный момент. Для чего? Чтобы нанести удар? Войдя в дом, я тщательно запер за собой дверь и обошел все комнаты. Мои шаги звучали глухо, как в склепе. И я подумал, что в этот склеп я, дурень этакий, вошел совершенно добровольно. Но уж чему быть – того не миновать.

Глава 7. Волшебный камень

Эту ночь я почти не спал, прислушиваясь к скрипу половиц, шелесту листвы за окном, всматриваясь из-под полуприкрытых век в причудливую игру скользящих по стенам теней. Ночные шорохи и звуки – все это принадлежало другому, потустороннему миру, который должен был исчезнуть с рассветом, но пока он владел этим домом, а я был его заложником.

Я находился на какой-то зыбкой границе между реальностью и иллюзией, борясь с наваливающейся на меня дремотой, интуитивно чувствуя притаившуюся где-то опасность. Рассохшееся дерево иногда издает странные звуки, похожие на треск лопающегося в огне каштана. А здесь все, начиная от мебели до стен, как бы доживало свои последние дни и подобными тяжкими «вздохами» прощалось со своим последним хозяином. Предпоследним, так будет вернее. Вот таким образом и прошла эта нервная ночь. А когда настал рассвет, разгоняя страхи, неся земле пробуждение, я вздохнул с облегчением, словно он явился мне на помощь, трубя гимн жизни.

Я встал, встряхнулся, сбрасывая пелену уныния, вышел из дома, умылся холодной водой, сделал получасовую зарядку, а потом принялся за работу. Ее накопилось достаточно. Для начала, чтобы еще больше разогреться, я стал рубить дрова, а когда вспотел, вытерся насухо полотенцем и ушел на кухню, поставив на плиту кофейник. Затем выпил большую чашку ароматного напитка и съел огромный бутерброд с ветчиной, а также целую банку сардин. И вновь принялся за дело. Натаскал из колодца несколько ведер воды, замочил в чугунном чане постельное белье, вытащил на солнце все одеяла и перины, развесив их на веревках, нашел дедовские плотницкие инструменты и начал чинить колченогие стулья и кресла, приколачивать ставни, забивать досками щели в стенах.

Я залез на крышу и поправил расползшийся шифер. С левой стороны от дома болото подступало совсем близко к стене – если бы я сиганул сейчас вниз, то как раз угодил бы в зеленую жижу. Самое смешное, что я, городской житель, никогда не занимался такой работой. Но теперь словно бы какое-то наитие опустилось на меня сверху. Все ладилось в моих руках. Я даже загордился собой и не заметил, что солнце давно уже стояло в зените. Тут я услышал за своей спиной снисходительно-насмешливое:

– Ну-ну!

Обернувшись, я увидел прислонившегося к дереву рыжего пекаря, который поддерживал брюхо обеими руками. Сказав это, он добавил:

– Решили навести тут порядок? – Эта фраза прозвучала так, будто он имел в виду не дом деда, а всю Полыню.

– Много хлама всякого здесь скопилось, – отозвался я. Тоже с двойным смыслом.

У меня этот булочник вызывал определенный интерес. Его тараканьи усы топорщились, а маленькие глазки буравили насквозь. Что могло послужить причиной ссоры между ним и дедом? И почему Раструбов пообещал убить его? Может быть, он и выполнил свою угрозу? В облике пекаря было что-то угловато-острое, несмотря на всю его шарообразную внешность.

– Надолго к нам? – спросил он, продолжая изучать мое лицо.

– Пока не найду того, кто убил деда. А вот скажите, Ким Виленович, что за ссора у вас вышла с моим дедом накануне его смерти? – ошарашил я его неожиданным вопросом.

– Какая ссора? Кто вам наболтал? Не было никакой ссоры. С чего это вы взяли? – Пекарь был явно смущен, лицо его пошло красными пятнами.

– Вы вроде бы даже угрожали ему? – Я продолжал его дожимать.

– Никогда такого не было! – отрезал Раструбов. – Наговаривают люди. Злые языки чешут. Слушайте их побольше. Некогда мне тут с вами... Пойду я... Дела... – И он торопливо пошел

прочь, но, прежде чем скрыться за поворотом, пару раз оглянулся. И мне показалось, что в его глазах, кроме страха, мелькнула затаенная угроза.

«Вот и еще одного зверя пробудил в берлоге», – с немалой долей удовлетворения подумал я. Мне захотелось растряссти всю эту Полыню, сбросить с ее жителей маски, чтобы они проявили их внутреннюю, истинную сущность. Обнажились, как в преддверии Страшного суда. А катализатором выступит смерть деда. Мой замысел уже начал давать всходы: занервничал доктор Мендлев, ушел ошарашенным пекарь Раструбов, призадумался кузнец Ермольник, а сколько еще человек косвенным образом прослышали о моем расследовании и затаились в ожидании?

Вернувшись в дом и наскоро пообедав, я отправился к поселковому старосте, чтобы оформить необходимые документы на владение домом. Илью Ильича Горемыжного, высоченного, словно корабельная мачта, мужчину, я обнаружил в тенистой беседке возле его двухэтажного особнячка. Он вкушал сочную дыню, запивая ее брусничным морсом. Кисло улыбувшись мне, он предложил разделить с ним трапезу.

– Увольте, сыт.

– Ну как хотите! Вы, наверное, за печатью пришли? Документы при вас? Надо еще уплатить взносы за год вперед.

– Как скажете, – согласился я, с любопытством наблюдая за ним. Ему было лет шестьдесят, но выглядел он довольно моложаво. Аккуратно подстрижен, одет с некоторым изыском, даже по-своему красив, только в глазах была какая-то вялость, въевшееся в душу и плоть желание поглядывать на жизнь из окна своего безопасного жилища и ни во что не вмешиваться. И вздыхал он столь часто, словно нес на своих худых плечах непосильный груз. «Мыльный пузырь», – вспомнил я определение тетушки Краб. Немудрено, что при таком «народном правителе» всем в поселке распоряжается Намцевич.

Горемыжный доел дыню, и мы пошли в дом, где он долго вертел в руках мои документы, рассматривал их и так и сяк, чуть ли не пробовал на зуб, прежде чем проделать необходимые формальности и проставить печати. Я уплатил взносы.

– Надолго к нам? – Этот вопрос за последнее время я слышал уже столько раз, что он мне изрядно поднадоел. Все словно бы задалось целью поскорее сплавить меня отсюда. Чего они боятся? Что я разворошу их муравейник?

– А может, и навсегда! – в сердцах отозвался я, с удовольствием наблюдая, как изменился в лице поселковый староста. У него даже как-то по-смешному отвисла нижняя челюсть, которую он не торопился захлопнуть. – Видите ли, – сжалился я над ним, – меня интересует загадочная смерть моего деда. Согласитесь, что в его гибели есть много неясного. Остались кое-какие вопросы, которые я желал бы прояснить. Вы можете мне в этом?

– Нет!.. Нет... – почти испуганно вскричал он. – Зачем? Не надо этого делать. Следствие закончилось, была экспертиза – он утонул в результате несчастного случая. И... и хватит об этом. Какие могут быть причины, чтобы возвращаться к этому заново? Не надо. Я прошу вас.

– А что вы так волнуетесь, Илья Ильич? Вас будто бы даже радует, что его смерть признана случайной? Вроде бы так оно поспокойнее, да?

– И ничего меня не радует, – с чего вы так решили? Я его очень уважал и искренне жалею. Но... может быть, оставим все как есть?

– Следователь мог ошибиться. Или его могли специально «ошибить», – жестко произнес я.

– Да кому же это нужно?

– Убийце.

– Опять вы за свое! – Горемыжный развел руками. – Уезжали бы вы отсюда, ради бога. Ну зачем вы приехали?

– Вступить во владение домом.

– Ну вот... вступили, и довольно. Почему вам нейдет? Отдыхайте себе на здоровье, рыбку ловите. На камешке нашем Волшебном полежите, он хорошо хворь вытягивает. Вернетесь в Москву, будете как огурчик. Знакомые вас и не узнают! Хотите, я покажу вам, где он лежит?

– А пойдемте! – согласился вдруг я. Мне и впрямь давно хотелось поглядеть на этот чудокамень, занесенный в Полынью каким-то космическим ветром. Вроде Чебоксарского метеорита в Челябинск. А тут и проводник нашелся.

Но только я поднялся со стула, как внимание мое привлек один предмет, прислоненный в углу комнаты. Это была дедушкина трость – из ценных, красных пород дерева, с массивным набалдашником из слоновой кости, искусно гравированная, с отточенным стальным наконечником, на который для стойкости было нанесено алмазное покрытие. С этой тростью он приезжал в прошлый раз в Москву, и стоила она безумно дорого, а подарена ему была неким индийским брамином, с которым он сначала длительное время состоял в переписке, а затем и познакомился лично. Тот брамин тоже был каким-то народным чудотворцем, поэтому они и нашли с дедом общий язык. Да за одну эту богатую трость его могли преспокойненько убить! Горемыжный проследил за моим взглядом и покраснел.

– Пойдемте! – поспешно сказал он, практически выталкивая меня плечом из комнаты.

«Ладно, решим эту загадку в следующий раз», – подумал я, спускаясь с крыльца. Но теперь этот горемыка Горемыжный казался мне не таким уж безобидным существом, каким он, возможно, прикидывался. Мы спустились по улице к моему дому, прошли мимо него, продираясь сквозь высокий папоротник и борщевик, миновали стайку пугливых худосочных березок, сиротливо ожидающих чего-то у края болота. Вглубь его выдвигалась земляная коса, по которой мы добрались до утопанной зеленой площадки, где в самом центре лежал огромный, черный, пористый валун, напоминающий широкое ложе с изголовьем. Земля вокруг него была выжжена, а в полутора метрах от краев уже таилась и коварно поджидала болотистая топь.

– Осторожно! – предупредил меня Горемыжный, когда я ступил назад, оглядывая редкостный экземпляр. – Это болото засасывает за считанные минуты. Не успеете крикнуть.

Но «крикнуть» мне все же довелось, после того, как я присел на затейливое каменное ложе. Оно было столь горячо, что казалось, будто под ним или внутри него находится раскаленная печь. Я откинулся на спину, и камень как бы принял меня к себе, в себя, утратив свою жесткость и видимую твердость. Странно, но мне было мягко лежать, словно я находился в своей кровати. Тепло и удобно.

Более того, через минуту я почувствовал необыкновенный прилив сил, какую-то особенную, пульсирующую во мне энергию, а вместе с тем предметы вокруг меня стали почему-то расплываться, рассеиваться в пространстве. Горемыжный как-то потускнел, сник, а лучи ослепительного солнца начали проходить сквозь его тело, и вот он уже насквозь просвечивал, как кусок слюды.

Голова моя кружилась, и мне казалось, что это вертится на своей оси сам камень. Как центрифуга. У меня сейчас было столько сил, что я мог бы встать и сдвинуть этот чудодейственный обломок космического метеорита с места, поднять его на руки. Мне чудилось, что я лечу, поднимаясь все выше и выше, и вижу внизу себя – распростертого на этом ложе.

Я не понимал природы этого странного явления, но теперь оно заботило меня меньше всего, – какой смысл искать разумное объяснение непознанному? Все ли может вместить в себя человеческий разум? Есть вещи, которые навсегда останутся для нас тайной... Мне было хорошо, я ощущал невыразимое блаженство и почти терял сознание. Возможно, это было преддверие смерти. Но раз так, то такая смерть – прекрасна, и лучшей нельзя себе пожелать...

– Поднимайтесь! – услышал я далекий, доносящийся до меня словно из-под земли голос Горемыжного. – Нельзя долго лежать, вставайте!

Я почувствовал, как он тянет меня за руку, отрывает голову от камня. И я вновь обрел ровное дыхание вместе с возвратившимся ко мне сознанием.

– Мы пришли в очень опасное, неудачное время, – пояснил Горемыжный, – Днем, когда солнце находится в самом зените, лежание на камне сопряжено с большим риском. И со мной когда-то было то же, что и с вами. Я видел это по вашему лицу. Можно просто не очнуться.

– Отчего это происходит?

– Не знаю. Загадка природы. Но другое дело – ночь. Ночью энергия камня как бы уменьшается. Или происходит что-то иное, но опасности гораздо меньше.

– И зимой так же?

– Круглый год.

– Знаете что, Илья Ильич? Вы – осел, извините за грубость. Вам бы тут курорт открыть да туристов зазывать. Со всего бы света ездили. И миллиарды бы потекли – целый город можно отгрохать. Новый Аркаим. Это же клад!

– Да есть тут один проект... – смущенно отозвался Горемыжный. – У Намцевича.

– Вот-вот. Он-то этот Волшебный камень в свой особняк и перетащит. К нему денежки и поплывут. А заодно и Девушку-Ночь к делу пристроит: от клиентов отбоя не будет.

– Гм-м... Так вы уже слышали о ней?

– Конечно. Только свидеться не довелось.

– Мне тоже, – тяжело вздохнул поселковый староста и понуро наклонил плешь.

Видно, и его манила эта ночная красавица. Но дается, судя по всему, не всякому.

Глава 8. На помощь приходит мистер Смирнофф

В глубокой задумчивости я возвратился к себе домой, расставшись по дороге с Ильей Горемыжным. Станный камень волновал мое воображение. «А ведь дед наверняка не случайно обосновался именно тут», – подумал вдруг я. Он-то знал, что представляет собой этот космический пришелец. И дом свой выстроил намеренно возле него... Возможно, камень как-то помогал ему в его работе, давал какие-то особые знания, откровения? А мог ли он явиться и причиной его смерти?

На сегодня у меня был запланирован еще один визит, и, немного отдохнув, я отправился к местному полицейскому Петру Громыхайлову, тем более что и с ним надо было решить кое-какие формальности. Но предварительно я заглянул в продуктовый магазин и купил у Зинаиды литровую бутылку водки «Смирнофф». Наверняка паленка, но «марка» хоть... Заодно мне хотелось расспросить продавщицу о бежавшем из тюрьмы сыне, но я не знал, как подступиться к этой женщине с окаменевшим от горя лицом. Да и вряд ли она стала бы откровенничать с совершенно посторонним для нее человеком. Узнать хотя бы, за что его посадили. Но в этом, я надеялся, мне поможет «мистер Смирнофф».

Из довольно просторного дома блюстителя закона не доносилось ни звука. Я несколько раз громко постучал в дверь, но приглашения не последовало. Тогда я толкнул ее и вошел внутрь. Громыхайлов спал на кровати, широко раскинув ноги в сапогах, фуражка его сползла на нос, а кобура с пистолетом валялась на полу. Стол был завален разнообразными закусками, начиная от соленых грибочков и огурчиков до полуобглоданных жареных цыплят, а вот в стоявшей тут же бутылке было пусто. Я вытащил из сумки своего «Смирноффа», открыл и налил в стакан. Полицай приподнял голову, услышав знакомые звуки. Взглядом следил за моей рукой. Затем Громыхайлов встал, не говоря ни слова, уселся напротив меня и так же молча пододвинул свой «аршин». Я налил ему столько же, сколько и себе. Не глядя друг на друга, мы чокнулись и опрокинули в себя водку. Потом занюхали огурцами.

– Наконец-то... хоть один трезво мыслящий человек появился в поселке... – произнес свою первую алогичную фразу Громыхайлов и только после этого посмотрел на меня. – Давай-ка повторим.

Я снова разлил водку.

– Мне надо свидетельство о смерти деда.

– Успеется.

Процедура возлияния повторилась.

– А как насчет временного местожительства?

– А ты надолго к нам?

– Да пока водка в магазине не кончится.

– Дельно. Значит, на две недели. У Зинки запасы ограничены.

Громыхайлов выглядел лет на сорок, хотя ему могло быть и больше пятидесяти, и меньше тридцати. Пьяницы как-то консервируются в районе «сороковника». У него были коротко стриженные волосы, мясистый ноздреватый нос, борцовская шея и какие-то очумелые глаза.

– Меня зовут Вадимом.

– Знаю. Ты чего к нам приехал?

– Слушай, Петя, как ты считаешь, убили моего деда или он сам утонул?

Милиционер хмуро посмотрел на меня, хмыкнул, поднял вверх указательный палец и покачал им перед моим носом.

– Но-но! – сказал он и повторил, продолжая покачивать пальцем: – Но-но!..

– Переведи.

– Но-но... – в третий раз сказал он и потянулся к стакану. Я понял, что надо увеличить дозу. Но после очередной порции почувствовал, что и сам начинаю быстро пьянеть.

– Так как насчет деда? – продолжил я. – Кому он тут у вас мешал, Петя?

– Я тебе как другу скажу, Вадик, – ответил полисмен, отправляя в рот щепотку квашеной капусты. – Будешь вынюхивать – завяжу узлом и посажу в погреб. Если даже его и убили, то теперь не вернешь, верно? Давай лучше на спичках потянем – кто за новым пузырем побежит?

– А не треснем? Вон еще полбутылки осталось. Ты мне все-таки ответь.

– Дурной ты. Русского языка не понимаешь. Немец, что ли?

– Точно, каратель.

– Мне новую кобуру не выдали, – пожаловался он.

– Кто убил деда? – Перегнувшись через стол, я потряс Петю за лацканы его жандармского кителя.

– Я! – икнул он и вытащил откуда-то из-под стола бутылку армянского коньяка. – Это мне взятку дали. Хороший коньяк, у меня целый ящик.

– Тогда я тебя арестую. Сдать оружие!

– Не имеешь права. Ты не в форме. И у тебя ордера нет.

Пока Петя разливал коньяк, я достал из кармана блокнот, вырвал листок и коряво написал: «Ордер. Податель сего имеет право всех сажать и стрелять. Министр Колокольников». Расписавшись за главного полицмейстера страны, я сунул бумажку Громыхайлову. А тот мне в ответ – почти в нос – стакан коньяка. Потом долго читал мою писульку, шевеля губами.

– Подпись настоящая, – сказал он, наконец. – А печати нет.

Я раздавил на бумажке помидор.

– Теперь годится?

– Теперь подчиняюсь, – и он протянул руки для наручников.

Тут в комнату вошла женщина средних лет, поставила на пол ведро с огурцами, осуждающе посмотрела на нас и привычно произнесла:

– У-у-у... нажрались... – потом хлопнула дверью.

– Супруга моя, – пояснил Петя. – Житья от нее нет. И пилит, и пилит... Скоро пополам распилит, как чурку.

– Петя, – вспомнил вдруг я. – А сын Зинаиды, он где-то здесь, в Полынье?

– Да уж! Куда ему деваться? Должно быть, на болотах прячется.

– На Волшебном камне ночует? Удобно. Давай его вместе ловить.

– Заметано.

– А скажи-ка ты мне, болезный, за что его посадили? – Я чувствовал, что в скором времени сам отключусь, и задал свой вопрос на пределе человеческих сил.

Полицай долго думал, прежде чем ответить.

– Он... псих. Целую семью вырезал. А девочек насильничал...

На этом глаза Пети закрылись, он опустил голову на стол, аккуратно между двумя тарелками, и захрапел. Я с трудом поднялся. Меня качнуло так, что я чуть не врезался в стену. Потом кое-как выбрался из дома, открыл калитку и побрел по улице. Еле добравшись до своего пристанища, я разыскал кровать и рухнул на нее за мертво.

Разбудила меня тетушка Краб, которая о чем-то жужжала над ухом. Постепенно я стал разбирать отдельные фразы:

– ... и дверь не запер... а связался-то с кем? с пропойцем этим, Петькой... дружка нашел... а ведь дед твой не пил, капли в рот не брал... Вадим?.. Уж не умер ли?..

– Жив я, тетушка, жив, – сознался я, разлепляя веки. – Эта встреча для дела была нужна. Который час?

– Да уж девять минуло.

– Утра или вечера?

– Окстись, миленький! Ночь скоро.

– Понятно, – я сбросил ноги с кровати. В голове все еще шумело, но я был готов к действиям: – Итак, каковы наши результаты? Я пожертвовал своим здоровьем и репутацией трезвенника, чтобы выяснить у местной жандармерии следующее. Первое: он спьяну сознался, что сам убил деда, и второе: беглый каторжник вместе с собакой Баскервией прячется где-то на болотах. Короче, все впустую, ничего толком я и не выяснил. У вашего полиция началась белая горячка.

– Это уж точно! Причем давно. Как бы и ты эту заразу не подхватил. Люди видели, какие ты кренделя на улице выписывал, пока домой шел.

– Тетушка, я занимаюсь серьезным делом, а вы обращаете внимание на мелочи. Кроме того, чем больше будет обо мне разговоров, тем лучше. Тем быстрее убийца захочет со мной встретиться. Если... – подумав, добавил я, – эта встреча уже не произошла. А каковы ваши успехи? – мы уже перешли на кухню, где я варил кофе.

Тетушка ошарашила меня невесть откуда взявшимся в ее лексиконе ментовским сленгом:

– Зинаида раскололась. Я к ней подход нашла. Сына, Гришку, повязали за мочилово семьи боцмана, а двух дочек он еще и изнасиловал. Потом еще одного, соседа, в куски порвал. Видно, крыша съехала. Но Зинаида всему этому не верит. Говорит: подстава. Да и мне сомнительно, я его сызмальства знаю.

– Матросская служба тяжка, мог действительно умом тронуться. И я вот думаю: не причастен ли он и к смерти деда?

– Да Гришка у него вроде родного был, с детства тут, в доме, ошивался. Арсений его как ученика обучал разным разностям. Науку свою передавал.

– Тем более. Что может быть слаше, чем превзойти своего учителя? Не так, так этак. Еще сам Будда говорил своим ученикам так: встретишь Будду – убей Будду... Тс-с, тихо!

Я привстал, перестав помешивать ложечкой в стакане. Мы оба замерли. В доме кто-то был: слышались осторожные, крадущиеся шаги. Я обвел взглядом кухню, ища что-нибудь потяжелее. Ничего лучше утюга на подоконнике не обнаружил.

Еле различимые шаги приблизились к двери. Человек стоял за ней и чего-то ждал. Тетушка закрыла ладонью рот, испуганно глядя на меня. Я ступил вперед, высоко подняв над своей головой утюг. В дверь тихо постучали. Затем раздался негромкий голос:

– Есть кто дома? Вадим Евгеньевич?

– Фу ты, дьявол! – с облегчением произнес я, опуская утюг. – Это Мендлев... Заходите!

Доктор открыл дверь и вошел на кухню, вежливо поздоровавшись с тетужкой. Та перекрестилась и стала поспешно собираться к себе.

– Хватит с меня, – сказала она. – Голова разболелась.

– А это у вас давление скачет, – ответил доктор. – Зайдите ко мне завтра, Лидия Гавриловна, я вам таблетки дам.

– Не надо, голубчик, я уж по старинке, травами...

– Ну, как хотите, – поглядел ей вслед доктор. Потом обернулся ко мне: – Положите утюг-то, Вадим Евгеньевич. Или вы гладить собрались? Вы уже готовы?

– К чему?

– Сегодня же вторник, спиритический сеанс у Дрынова.

– А... нет, не готов. У меня у самого что-то с головой... странное.

– Надо бы и вам ко мне завтра зайти, давление измерить. А сеанс, между прочим, отменяется. Дрынов совсем разболелся. Гидраоденит у него. Неприятное, скажу вам, вздутие под мышкой. В народе его называют «сучье вымя». Прямо не знаю, как ему помочь, придется, наверное, вскрывать. А я ведь не хирург. А сеанс мы перенесли на пятницу. Собственно говоря, за этим я и пришел – чтобы предупредить вас.

– Спасибо. К пятнице я буду в форме. Кстати, о вскрытии, – вспомнил вдруг я. – Ведь это вы занимались трупом деда?

– Н-да, – важно согласился доктор. – Следователь попросил меня произвести его здесь же, чтобы не возить труп туда-сюда. Чистая формальность.

– И что же вы обнаружили любопытного? Я имею право знать, как ближайший родственник, – добавил я, видя, что Мендлев колеблется.

– Надо бы посмотреть записи, – пробормотал он. – Впрочем, у меня хорошая память. Значит, так... У него оказалась жировая дистрофия сердца. Печень: цирротические изменения... Сильно склерозированные сосуды. Можно было стучать скальпелем. Почки – отечные, с камнями и нефроптозом. Эмфизема легких, причем в них были обнаружены моллюски и водоросли... Мозговая ткань также отечная... Достаточно?

– Вполне. Только одно странно. Вы нарисовали портрет какого-то опустившегося пьяницы: цирроз, отеки... А я всегда предполагал, что у деда отменное здоровье. Да он и не пил вовсе.

Доктор Мендлев развел руками:

– Бывает, знаете ли, в медицине и не такое. С виду здоровяк, а копнешь поглубже – насквозь гнилой. Или наоборот. Еле дышит, а проживет до ста лет. Сие есть великая тайна природы. И модус вивенди с экзитус леталис здесь ни при чем.

– Ну ладно, с модусом мы еще разберемся. А вот не было ли на его теле каких-либо насильственных следов? Ушибы, кровоподтеки, переломы?

– Нет, – отозвался доктор, а глаза его за круглыми стеклами очков как-то странно блеснули.

«Врет! – подумал я торжествующе. – Ну, явно врет, клистирная трубка. А что, если мне поехать в город и настоять на эксгумации трупа?»

– А что вы скажете, Густав Иванович, о целебных свойствах этого вашего чудо-камня? – сменил я тему. – Я сегодня полежал на нем и чуть не изжарился, как яичница.

– Ну-с, что сказать? Странное это явление, загадочное. Вполне возможно, что связано с сильнейшей радиацией. Так что особенно залеживаться на нем я вам не советую. Спокойной ночи.

Я проводил его до калитки, а затем постоял немного в прохладной тишине, глядя на извечно магическую луну и вспоминая знаменитое изречение Канта о нравственном законе внутри нас и звездном небе над головой. Словно для жителей Полыньи сказано.

Глава 9. Посещение замка

В эту ночь я прекрасно выспался: если кто и находился в доме, кроме меня, то он не решился приблизиться, – очевидно, из-за сильнейших паров кетонов и альдегидов, способных свалить с ног. Но встал я в состоянии легкой качки, ощущая во всем теле неизбежный в подобных ситуациях тремор. Меня облегчило холодное обливание и доведшая до изнеможения зарядка, после чего я набросился на завтрак, а потом с таким же остервенением доделал работу по дому. К субботе все должно было сверкать, цвести и пахнуть. Мне хотелось, чтобы и Милена, и гости чувствовали себя здесь уютно, чтобы они не пожалели о том времени, которое проведут здесь.

Надо было еще запастись большим количеством продуктов и горячительных напитков. Я взял рюкзак, сумку и отправился в магазин. Когда я проходил мимо затормозившего рядом джипа «Чероки», меня окликнули:

– Эй!

Я обернулся. В джипе сидело два бойца в камуфляже – один бритый наголо, другой – с косичкой на затылке.

– Если это вы мне, то надо кричать: «Эй, Вадим Евгеньевич!»

– Хорошо, – согласился бритоголовый. – Вадим Евгеньевич. Эй! Так правильно?

– Вполне. Чего угодно?

– Нам угодно передать вам приглашение на чашечку кофе. От Александра Генриховича. Намцевича.

– Это весьма любезно с его стороны. Но сейчас я занят.

– Он очень, очень просит вас пожаловать, – дверь джипа была уже открыта. Я понял, что это «такое предложение, от которого нельзя отказываться». А что я теряю? Все равно наша встреча с Намцевичем рано или поздно должна была состояться. Так почему не сейчас? И я уселся в машину.

Джип рванул с места и помчался по поселку, а через пять минут остановился перед массивными чугунными воротами, украшенными львами, тиграми и пантерами. Наверняка это была работа кузнеца Ермольника. Бритый посигналил несколько раз, створки ворот разъехались в разные стороны. Во дворе находился еще один охранник с навешенным на плече короткоствольным автоматом.

Джип медленно проехал по усыпанной гравием дорожке и замер перед толстыми мраморными колоннами. Слева и справа все было усажено цветами. В особняке Намцевича было три этажа, кроме того, со всех четырех сторон поднимались угловые башенки с маленькими оконцами-бойницами. Все это сильно напоминало средневековый замок, не хватало только земляного рва и подъемного моста на цепи. Выстроить такое шикарное жилище в глуши, где нет необходимых строительных материалов, – для этого нужен был немалый талант. И огромные деньги. Видно, и то и другое у Намцевича имелось.

– Прошу вас! – сказал бритый, показывая на дубовую дверь.

Мы поднялись по устланной ковром лестнице на второй этаж и оказались в просторном помещении, где стояли мраморные статуи древнегреческих и римских богов и богинь, а на стенах висели картины с изображением различных мифологических сюжетов. Затем мы вышли на широкий, тянущийся вдоль всего этажа балкон. Там, за сервированным столиком, и сидел в кресле сам хозяин этого замка. При виде меня он поднялся и шагнул навстречу.

– Приветствую вас, о храбрый Ясон, приплывший к нам за золотым руном, – насмешливо произнес он, протягивая холеную руку. Очевидно, у него был довольно веселый нрав. На вид лет сорока пяти, в меру упитанный, но без складок жира (наверное, каждое утро качается на

тренажерах), с серыми прохладными глазами, темными волосами, упрямой морщинкой меж бровей и полными чувственными губами.

– Здравия желаю, – просто ответил я. Мне было не до изысков.

– Вам со сливками? – любезно осведомился Намцевич, наливая мне кофе. – Или желаете ликерчику? Эвбейский, настоящий.

– Нет, я с лимоном.

– Извольте. Не стесняйтесь. Чувствуйте себя свободно. Как вам показался наш поселок?

– Миленький.

– Надолго ли к нам? – Этот традиционный вопрос так навяз у меня в зубах, что я уже и не знал, как ответить. Решил пойти по наезженной колее.

– Зависит от разных обстоятельств.

– Каких же, если не секрет?

– Ну, если я вам скажу, что надумал расчертить тут поле для гольфа, а ваш замок сдвинуть поближе к озеру, вы же мне все равно не поверите?

Намцевич засмеялся.

– Отчего же? Я человек доверчивый. Оттого и попадаю все время впросак. Гольф так гольф. Могу даже дать кредит. Стать партнером.

– Я подумаю. Но вообще-то меня интересует странная смерть моего деда. Есть в ней что-то загадочное.

– Так, так, так... – быстро проговорил Намцевич. – Вы знаете, мы с вами мыслим в одном направлении. И я вижу в этом что-то противоестественное. Здоровый мужчина и... Да, да, да. Странно. Но! Вполне допустимо. Смерть не выбирают.

– Правильно. Выбирают людей, которые являются орудием смерти. А вся человеческая история, включая, насколько я понимаю, любимую вами древнегреческую, научила нас только одному: убить можно любого.

– Кто же здесь мог желать зла вашему деду?

– Да кто угодно! А хоть бы и вы, например. Бывают же не явные, но тайные причины, согласитесь?

– Охотно соглашусь, охотно, – потер руки Намцевич. В глазах его даже засветилась радость. – Я в вас не ошибся: вы интересный собеседник. Жаль, что скоро вы нас покинете. Очень жаль.

– Я пока не собираюсь никуда уезжать.

– Вот как? А я читаю по вашему лицу, что вы – не жилец в здешних местах, – фраза эта прозвучала как-то зловеще, хотя Намцевич продолжал улыбаться.

– Вы – физиономист, грандсеньор? – спросил я. – Или намеренно подталкиваете меня к отъезду?

– Боже упаси!.. Чтобы я... да никогда в жизни! Живите сколько угодно. Только... живите. Так грустно умирать. Если бы вы только знали!

– Ну а если я все-таки останусь?

– Вы совершите ошибку. Такую же, как и ваш дед.

Странные глаза были у этого феодального владельца: то ласковые и внимательные, то жесткие и пронизывающие, а то и рассеянные и какие-то совершенно безумные. «Уж не псих ли он? – подумал я. – Да и станет ли нормальный человек с таким огромным богатством запираť себя в каком-то захолустье?»

– Почему вы обосновались именно здесь? – спросил я.

– Безысходность, – коротко ответил он. А затем почему-то пустился в откровенность: – Большой мир мне наскучил. И я бы все равно не смог его получить весь. Мне нужен маленький мир, вот такой, как тут. В сущности, он ничем не отличается от того, большого. Я сделаю Полынью не только центром своих желаний, но и Меккой, куда будет стремиться каждый про-

слышавший о ней, – глаза Намцевича вновь стали рассеяннo-безумными. – Здесь будет новая форма жизни: вечная молодость, любовь, счастье... Короче говоря, земной рай. И порядок. Я сломаю все эти домишки, – он повел рукой, охватывая поселок, – и построю на их месте хрустальные дворцы. Люди начнут поклоняться новому богу...

– ... к которому их приучает проповедник Монк? – перебил я звенящую речь. – Что же это за религия такая?

Намцевич как-то сник, устало откинулся на спинку кресла.

– А вы сходите к нему, послушайте, – посоветовал он. И добавил: – Перед своим отъездом.

– А может быть, и я захочу жить в вашем раю?

– Сначала мне надо расчистить авгиевы конюшни, – с нажимом ответил он. – А кто мне мешает – тот будет отброшен в Тартар.

– Вы всерьез считаете, что можно построить рай с помощью бульдозера? Это ведь мы уже проходили. А как же душа с ее микро- и макрокосмосом? Вместилище покоя и света.

– Бросьте. Живая кровь, текущая по венам и капиллярным сосудам, определяет человеческие желания. Чем она чище, свежее, тем больше радости и здорового состояния духа. Любая болезнь – это порождение беспомощного разума. Вот здесь, – он постучал себя по виску, – сокрыты внутренние резервы организма. Об этом, кстати, говорил мне и ваш дед. Человек привык использовать свой мозг всего на семь процентов. Дальше – табу, тормоз. А мы должны научиться достигать тридцати, семидесяти, ста процентов. Вот тогда будут возможны любые желания. Вплоть до самых невозможных, не укладывающихся в сознании. А душе тоже место найдется.

В этот момент на балкон выскочила, почти вылетела черноволосая девушка и, словно разъяренная пантера, устремилась к Намцевичу. На меня она не обратила ни малейшего внимания. Точеное лицо ее было изысканно, темные глаза пылали, а тонкие губы нервно подрагивали.

– Александр! Я жду тебя уже полчаса... Ты обещал! – выпалила она, уперев кулачки в бока. На девушке была надета просторная греческая туника красного цвета с разрезами. Богиня, одно слово. Наверное, и сам Намцевич ощущал себя не иначе как Зевсом-громовержцем, вершащим судьбу более мелких олимпийских богов и копошащихся внизу людей.

– Валерия, уйди, я занят, – сердито отозвался он.

Девушка, не говоря больше ни слова, круто повернулась, и только каблучки гневно застучали по паркету.

– Издержки... производства, – невразумительно пояснил Намцевич, поймав мой вопросительный взгляд. – Пойдемте, я покажу вам кое-что.

Я поднялся вслед за ним и вышел в зал, полный мраморных статуй и картин. Намцевич подвел меня к одной из них, а сам отступил в сторону.

– Это очень редкая работа кисти художника прошлого века. Выполнил мой заказ и... скончался. Здесь изображена Лернейская гидра. Слышали о такой?

– Что-то смутное.

– Героиня древнего мифа. Гидра родилась от Тифона и Ехидны. Папочка Тифон был довольно забавным существом – с сотней драконьих голов, человеческим туловищем до бедер и извивающимися змеями вместо ног. Он мог рычать львом, лаять собакой, шипеть змеей и разговаривать голосом бога. Однажды он даже победил самого Зевса, вырезав у него жилы на ногах и бросив пленника в киликийскую пещеру. А остальные боги, спасаясь, бежали в Египет, где приняли образы разных животных. Между прочим, многие отождествляют Тифона именно с египетским божеством смерти и подземных сил Сетом. – Намцевич рассказывал с явным удовольствием, словно это была его излюбленная тема. Взгляд его вновь стал как-то странно блуждать...

– Не меньшим почетом пользовалась и мамочка Ехидна – чудовищный демон, полуженщина-полузмея, – продолжал он. – Это она наплодила всякую нечисть – Химеру, Немейского льва, Сфинкса и прочую пакость, а однажды даже совокупилась с Гераклом, родив ему трех сыновей. Как видите, древнегреческие герои не брезговали вступать в половые контакты и с подобными существами.

– На безрыбье и рак... сгодится, – пошутил я, хотя мне был неприятен его рассказ. Было в нем какое-то тайное самолюбование, словно бы Намцевич рассказывал о своих ближайших и выдающихся родственниках.

– Деточка таких выдающихся родителей – Лернейская гидра – имела сто голов, одна из которых была бессмертная. По части ужасов она перещеголяла своих папу и маму. Выползала по ночам и пожирала все, что шевелится. В особенности любила лакомиться людьми. С ней связан один из подвигов Геракла. Он выгнал ее из логова и начал рубить головы, но на месте каждой вырастало две новых. Тогда он стал прижигать шеи горящими деревьями. А знаете, что сделал с бессмертной головой?

– Что же? Заспиртовал ее в формалине?

– Нет. Навалил на ее голову огромный камень, который с тех пор стал обладать чудодейственной силой и способностью в любое время года сохранять тепло. Между прочим, Лернейская гидра жила на болоте.

– Намеряете на Волшебный камень возле моего дома?

– А почему бы и нет? Может быть, именно под ним сокрыта бессмертная голова Лернейской гидры? Мы же не знаем, сколько веков он тут лежит и в какой местности Геракл совершил свой подвиг.

– Хорошая сказочка. Хотите поковыряться под камнем, вытащить голову и напустить ее на Полыню? Или на всю Россию?

– Хочу понять тайну бессмертия, – вполне серьезно ответил Намцевич. – Ваш дед обладал знаниями, которые даны не каждому. Он мог бы приоткрыть завесу над многими загадками, например: что есть хрупкая граница между жизнью и смертью? Но, к сожалению, сам... утонул. И унес свои открытия с собой.

– Он вам мешал, – медленно, с расстановкой сказал я. – Он не захотел вступить с вами в союз.

– Ерунда! – усмехнулся Намцевич. – Мы были с ним дружны.

– Сомневаюсь. Что общего могло быть между вами?

– Общее? Хотя бы интерес к человеческим страданиям и боли! Ведь он наблюдал их всю жизнь.

– Он не просто наблюдал, но и лечил, освобождал человека от мук.

– А почему вы думаете, что и я не занимаюсь тем же? Не освобождаю человека от мук душевных, ненужных сомнений и тревог, не успокаиваю воспаленный разум?

– Каким же образом?

– У каждого свой метод, – потупился Намцевич. – Может быть, я лечу страхом?

Нашу ушедшую в философские дебри беседу прервало появление стройного молодого человека лет двадцати пяти и маленького чернявого мальчика с восковым личиком.

– Вы еще не знакомы? Клемент Морисович, здешний учитель. А это мой отпрыск и наследник – Максим.

– Очень приятно, – вяло произнес репетитор. Его голубые глаза смотрели как-то тоскливо, словно он испытывал сильное неудобство от своего присутствия здесь. А мальчик вообще напоминал безжизненную куклу, которая двигалась лишь по желанию других.

– Александр Генрихович, занятия мы закончили, а теперь, с вашего позволения, пройдемся по полю, я хочу объяснить Максиму названия некоторых трав и растений, – произнес учитель.

– Конечно, – согласился Намцевич. – Я дам вам кого-нибудь в сопровождение.
– Пора и мне, – сказал я. – Не буду больше занимать ваше драгоценное время.
– Значит, мы договорились? – пытливо заглянул мне в глаза Намцевич, так и не пояснив, что именно он имеет в виду. Я уклончиво кивнул головой, также не вдаваясь в подробности.
– Мой шофер отвезет вас к вашему дому.
– Нет, пусть лучше вернет на то же место, где взял.
– Как вам будет угодно. Загляните ко мне перед отъездом.
– Боюсь, что это будет не скоро, – упрямо возразил я, чем вызвал его досадливую усмешку. Он хотел еще что-то сказать, но передумал. Мы попрощались.

Уже спускаясь по лестнице в сопровождении бритоголового, я мельком увидел быстро прошедшего по коридору человека, который скрылся за дверью. И хотя он был в поле моего зрения лишь пару секунд и я не смог четко разглядеть лица, но мне показалось, что я его знаю. И только потом, в джипе, я вспомнил и, пораженный, откинулся на спинку.

Нет... слишком невероятно. Этот человек... напоминал мне – меня. Словно я посмотрел в зеркало и увидел за своей спиной неясное отражение своего двойника... Какой-то странный оптический обман рождался в этом поселке. Еще одна загадка Полыньи.

Глава 10. Вид сверху, сбоку, снизу и новые детали

Я завершил свой рейд в магазин, а затем сложил консервы на кухне, отнес бутылки в подвал, а сам пошел бродить по поселку. Угрозы Намцевича (если это были действительно угрозы, а не игра моего больного воображения) на меня мало подействовали. В гораздо большей степени меня озадачило странное видение двойника. Но, может быть, этот человек, которого я видел со спины и чуть-чуть в профиль, – лишь плод моей разыгравшейся фантазии? Ну, есть в его охране человек, чем-то похожий на меня, так что из того? Разве это повод для беспокойства? Да и мог ли я за пару секунд идентифицировать его с собой? Конечно же, нет. Понемногу я стал забывать об этом происшествии. Теперь меня заботило другое. Слишком много людей, по моим подсчетам, оказывалось причастными в той или иной степени к загадочной смерти деда.

Я шел по поселку и подозревал каждого встретившегося мне человека, будь то ковыляющая бабулька с корзиной или нагловатый подросток с сигаретой в зубах. Все они казались мне какими-то выползшими из-под земли уродцами, гоблинами, фантомами, выбравшими для своего пребывания поселок Полынью, а я – приезжий чужак – был единственным живым человеком среди них. Наступит час, и все они набросятся на меня, будут терзать, рвать на части, вернувшись в свое настоящее обличье нелюдей. Возможно, так же они поступили и с дедом.

Солнце припекало мне голову, а воображение все больше распалялось. Мне уже чудилось, что за мной неотрывно следят, наблюдают за каждым моим шагом. Вон тот старик, сидящий на бревнышке и притворяющийся спящим. Почему он вдруг открыл желтый слезящийся глаз и посмотрел в мою сторону? Почему следом за мной идет конопатый мальчишка в драной рубашке, чего ему надо? Зачем высунулась из открытого окна какая-то харя и уставилась на мою персону?

Все, все здесь связаны какой-то тайной, состоят в одном заговоре. Все они – отрубленные головы Лернейской гидры, а самая главная голова – бессмертная – спрятана под Волшебным камнем. И их бесполезно рубить – они вырастут снова. Непроизвольно я ускорил шаг, а потом почти побежал, испытывая непонятный страх, словно в этот солнечный, жаркий день ледяные пальцы стали сжимать мое горло. Я чувствовал, что веду себя глупо, нелепо, но не мог остановиться.

Ноги сами собой вынесли меня за околицу, к водонапорной башне, и только тут, споткнувшись о какую-то корягу и упав, я замер, тяжело дыша, будто загнанный конь. Ко мне подошел невысокий человечек средних лет, с залысинами, оттопыренными ушами и разноцветными глазами: один серый, а другой – голубоватый, причем смотрели они в разные стороны. Я перевернулся на спину, с любопытством наблюдая за этим странным явлением природы.

– От кого это ты утекать? – спросил он, протягивая мне руку и помогая подняться на ноги. – Стырил что?

– А ты, наверное, Мишка-Стрелец, – догадался я. – Смотритель этой башни?

– Он самый. Давно тебя тут поджидаю.

– Зачем?

– Ну как же! Все, кто приезжает в Полынью, лезут на верхотуру и обзеревают окрестности. С тебя два доллара. За бинокль отдельно – еще доллар.

– А если мне это не интересно?

– Брось, не гнушайся. Залезешь – не оторвешься. Тебя еще придется оттуда метлой гнать.

– А почему тебя Стрельцом зовут?

– Я с детства сигареты стреляю. Угостишь папироской, гражданин хороший?

– Бери. Ладно, давай сюда бинокль. Погляжу, что за панорама такая.

Я нацепил на шею оптический прибор, отсчитал Мишке-Стрельцу рубли по курсу и полез по железной лестнице наверх. Там, на высоте примерно тридцати метров, находилась небольшая площадка, огороженная перильцами. Смотритель поднялся вместе со мной и встал рядом.

– Ну как? – выжидающе спросил он. – Здорово?

– Погоди ты! Я еще бинокль не отрегулировал.

Здесь было и в самом деле довольно интересно: весь поселок лежал передо мной как на ладони. Маленькие домики, словно игрушечные кубики, вросли в землю, а возле них суетились люди-муравьи. Слева расстиралось зеленоватое озеро, по которому пробегали мелкие барашки волн, где-то в самом его центре покачивались три лодки, а к другому берегу подступала мохнатая и суровая рать елей и сосен. Прямо – там, где кончались дома, начиналось болото. Справа вилась узкая лента дороги, по которой я и пришел в Полыню из уездного городка N. Сейчас дорога была совершенно пустынная. Я вновь перевел бинокль на поселок и отыскал свой дом, подступавший к самому болоту. Затем посмотрел на соседний огород, где копошилась тетушка Краб. Словно почувствовав мой взгляд, она распрямилась, подняла голову и поглядела в сторону башни, приложив ладонь к бровям.

Я стал наводить бинокль на другие объекты. Вон вышел из магазина милиционер Громыхайлов, нетвердо стоящий на копытах... Староста Горемыжный сидел в своей беседке, из которой торчали его длинные ноги... По улице торопливо шел доктор Мендлев, и стекла его очков блестели на солнце... Около кладбища застыли в соперничестве два храма – православный и тот, где читал свои проповеди Монк... Я поглядел на особняк Намцевича. Хозяин-барин сидел на балконе и смотрел на меня сквозь полевой бинокль. Я помахал ему, и он точно так же ответил мне. Обмен любезностями состоялся.

Рядом с Намцевичем, в кресле, застыло скульптурное изваяние – черноволосая красавица Валерия. Кто она? Кем ему приходится?.. Потом я отвернулся и вновь отыскал свой дом. Мне показалось что-то странное в его положении, что-то изменилось. Ну конечно! Минуту назад окно в мою комнату было закрыто, а сейчас оно распахнуто настежь. И там, в глубине, мелькнула тень. Какой-то человек находился в моей комнате...

«Ну, все! – подумал я. – Мне это надоело. Пора принимать самые решительные меры и делать облаву на незваных гостей. Какие силы им ни покровительствовали бы...» Способ выследить незнакомца я придумал давно и решил им воспользоваться в ближайшее время. Хотя, если разобраться, этот человек (или существо?) не причинял мне никаких неудобств, просто незримо присутствовал где-то рядом. Закончив обзор, я вернул бинокль Мишке-Стрельцу, и мы спустились вниз.

– Понравилось? – спросил он.

– Ничего кино, – сознался я. – Только звука нет.

– Ты, это, я знаю, про деда своего все копаешь...

– Ну?

– Баранки гну... Есть у меня для тебя кое-что. За отдельную плату.

Мишка оглянулся, теребя в руках свою кепку. Он как-то мялся, не решаясь сказать. Словно боялся чего-то.

– Ну, говори, раз начал.

– Гони пять баксов. Я... эта... слышь, знаю, кто замочил старика.

– Кто? – Я отсчитал деньги.

– Потом скажу. Вечером. Жди меня часикам к десяти к себе домой. Да закуску не забудь приготовить.

– Хорошо! – согласился я, несколько разочарованный. – Приходи.

Теперь мне захотелось посетить еще и проповедника Монка в его храме-капище. Поглядеть и послушать, о чем он толкует перед замороженными жителями Полыни. Я не случайно назвал это уродливое здание айсбергом, по своему московскому опыту зная, что деятельность

подобных сект видима лишь на одну восьмую часть; все остальное – сокрыто от глаз непосвященных, севших в «Титаник».

Я открыл деревянные двери капища, взявшись за бронзовое кольцо, и ступил в полутемное помещение, где уже находилось несколько человек. И тотчас же громкий, чуть хрипловатый голос проповедника Монка произнес:

– И вот еще один брат наш явился под сень Дома Радости, чтобы испытать благоденственные капли из Чаши Жизни и Смерти! Приветствуем тебя, новый сподвижник нашей веры!

Я не сразу и сообразил, что козлобородый гуру, стоявший на возвышении, окруженный четырьмя обриту нагого служками в цветастых одеяниях, обращается именно ко мне. Но он показывал на меня рукой, а в другой сжимал короткий жезл, с конца которого сыпались искры, словно это был не жезл, а бенгальский огонь. Искрились и тонкие палочки, развешанные по стенам и углам помещения. Здесь стоял одуряющий приторный запах, а лица собравшихся были искажены, словно их отражения преломлялись в амальгаме кривых зеркал.

– Привет, привет! – буркнул я довольно непочтительно. – Можете продолжать, вольно.

Монк постарался не заметить моей иронии, вновь обратившись к пастве, в которой оказалось немало молодых людей. Была здесь даже Жанна – медсестра доктора Мендлева. Она отступила назад и подошла ко мне, встав рядышком, почти касаясь моего плеча рыжей головой. Ее зеленые глаза возбужденно блестели, будто только что она испытала плотское наслаждение.

– Я рада, что вы пришли, – шепнула она мне. – Не пожалеете.

Пальчики этой Салемской ведьмы податливо оказались в моей ладони, а коготки поскребли кожу. Зачем я стал заигрывать с ней? Не знаю. Наверное, подействовала вся эта театральная обстановка, летящие искры, коварный терпкий запах, и я почувствовал себя героем-любовником на сцене. А Монк что-то бубнил с помоста, причем без пауз:

– ...отрекитесь от близких, несущих вам смерть, лишь здесь освободитесь от уз и тягот и найдете приют и кров, и счастье вечное, а все остальное будет проклято мною, служителем бога истинного, потому что дана мне часть его, и я есть он сам, воплотившийся на земле, и пришел, чтобы открыть вам глаза, и уйду с вами...

– Его когда из клиники выпустили? – спросил я, вглядываясь в монголоидное лицо отца Монка.

– Замолчите, – прошептала Жанна, сжимая мою ладонь. – А то быть беде. Он найдет на вас Гранулу.

– А что это такое? Его любимая собака-поводырь?

– Это – смерть.

– Пусть лучше он засунет эту Гранулу в свою жопень. Пойдемте отсюда, Жанночка. Надоела вся эта ахинея.

Неожиданно легко медсестра согласилась. Мы выскользнули за дверь, оставив за спиной монковское бормотанье.

– Над вами предстоит еще много работать, – сказала Жанна, прищуриваясь на ярком солнце и оглядывая меня, как арабского скакуна: стоит ли покупать? Или сначала объездить?

– А вы заходите как-нибудь вечером, – ответил я. – Тогда и поработаем на славу.

– И приду! – с вызовом сказала она. – А теперь мне пора к доктору.

Я поглядел ей вслед, оценив стройные ножки, и усмехнулся.

Глава 11. Ходячий труп

Пужинал я вместе с тетушкой Краб, но перед тем установил в своем доме кое-какие ловушки для назойливых и незваных гостей. Для этого я распаковал один из своих чемоданов и достал «маленькие хитрости», которые, в общем-то, держал для друзей, чтобы нам было веселее проводить время. Но обстоятельства требовали, чтобы я использовал «хитрости» сейчас.

В коридоре, возле каждой из комнат, я установил на полу крошечные хлопушки, которые с треском взрывались, если на них наступить ногой. В своей комнате, под карнизом, поместил видеорегистратор. Здесь же, на кровать, я положил диктофон, включающийся на звук или голос, прикрыв его сверху старой газетой. В подвале на обеих лестницах я натянул лески возле верхних ступеней, и тот, кто надумал бы спуститься сюда, непременно загремел бы вниз. Чердак я также оборудовал соответствующим образом: здесь я разбросал тонкую металлическую проволоку-петлю. Ступивший в нее человек так запутывался, что уже не мог освободиться без посторонней помощи. Она схватывала и стягивала его ноги и руки намертво.

Но самый главный сюрприз поджидал пришельца в зале. Тут я усадил за стол надутую в человеческий рост резиновую японскую куклу, которая изредка поворачивала голову и реагировала на посторонние шорохи. При этом включался вмонтированный в нее диктофон, и она произносила зловещую фразу: «Крови хочу, крови! Наконец-то ты явился – иди ко мне!..» А вслед за этим раздавался леденящий душу хохот. Голова куклы, надо добавить, ужасала трупным оскалом. Для вящей убедительности я натянул на нее свой свитер, а на темечко нахлобучил найденную здесь же шляпу...

За ужином моя верная помощница удивила меня еще одной новостью: ей удалось выяснить у пасечника Матвея, разводившего пчел на южной окраине поселка, любопытную деталь. За день до исчезновения к нему заходил за медом мой дед и вполне серьезно сказал, что чувствует, будто скоро умрет. Буквально его слова звучали так: «Жить мне осталось дня три-четыре...»

Что это было: ворчливая старческая болтовня или действительно ощущение надвигающейся смерти? Или он просто был уверен, что его убьют? И ошибся всего на сутки? Как бы то ни было, но его прогнозы сбылись. Но почему же он не принял никаких мер, чтобы обезопасить себя? Может быть, знал, что это бесполезно?

– А не знаете ли вы, что за черноволосая красавица живет у Намцевича? Валерией ее зовут, – поинтересовался я.

– Да мы и сами в поселке гадаем: жена не жена, может, полюбовница? А то и сестра. Или дочка. Шут ее знает. Надо бы с учителем поговорить, он у них в доме частый гость. А что, понравилась?

– Есть немного.

– Ты, я гляжу, в деда пошел. Такой же бабник.

– А он что же, приволочиться любил?

– Так все мужики – кобели окаянные. И он туда же, седина в бороде, а бес в ребро.

– За кем же он тут ухлестывал?

– Да вот за этой самой твоей Валерией... тьфу!

– Быть не может! – изумился я. – Она ж ему во внучки годится. Да и живет за семью замками.

– Что ж с того, коли приспичило? Я с ним разругалась даже однажды. Стыдить начала, а он только молчал да побрякивал.

– И как же на это реагировал сам Намцевич?

– Известно как! – в сердцах ответила тетушка. – Гневался да ругался. Обещал пристрелить старого ловеласа.

– Вот! – торжествующе сказал я. – Вот и еще один повод для убийства.

– Из-за бабы-то? Вряд ли...

– Из-за бабы, тетушка, Троянская война началась. Ну ладно, пойду я. Спасибо за угощенье.

Вернувшись домой, я подумал: а может быть, эта таинственная Валерия и есть та самая Девушка-Ночь, смущающая покой жителей поселка? Выбирающаяся в лунную ночь из замка и блуждающая в поисках одинокой жертвы, чтобы увлечь ее к Волшебному камню? В таком случае я не прочь встретить ее на своем пути.

Эта романтическая идея мне так понравилась, что я, размечтавшись, совсем позабыл о предстоящем визите Мишки-Стрельца. А время между тем приближалось к десяти часам. Скоро он должен был явиться и сообщить мне, кто убил деда. Я наскоро разложил на кухонном столе закуску, приготовил водку (на которую, честно говоря, не мог смотреть после нашего ударного возлияния с Петром Громыхайловым) и стал ждать.

Стрелки часов показывали уже четверть одиннадцатого. Может быть, он вообще не придет, передумал? Или что-то помешало ему? Наконец во дворе звякнула калитка. Я посмотрел сквозь оконное стекло: чья-то тень двигалась по дорожке. Но шел этот человек странно, спотыкаясь, покачиваясь, еле передвигая ноги. «Напился он, что ли?» – подумал я и перешел из кухни в соседнюю комнату, где находился главный вход в дом.

В дверь постучали, вернее, поскреблись. К верхнему стеклу вплотную приблизилось, почти вдавилось лицо Мишки-Стрельца. Оно было ужасно, все в крови, а глаза буквально вылезали из орбит. Я рванул дверь на себя, и Мишка-Стрелец, постояв несколько секунд на пороге, беззвучно шевеля губами, рухнул к моим ногам. В спине у него торчала рукоятка ножа...

Ошарашенный, я отступил в сторону и прислонился к стене. Сомнений не было – его убили по дороге ко мне. В моей короткой жизни мне еще не приходилось видеть труп так близко. Смерть существовала где-то далеко от меня – на экранах телевизоров, на страницах газет, в беседах со знакомыми... И вот... вот она пришла. Я нагнулся над телом, не зная, как быть дальше, что делать.

Доктор Мендлев – это имя сразу же пришло мне на ум. Надо бежать к нему и привести его сюда. Нужен врач, и как можно быстрее. Я переступил через распростертое тело Мишки-Стрельца и выбежал во двор. Луна как раз скрылась за тучами, и меня обступала темнота. А что, если убийца прячется где-то неподалеку? Вон за тем деревом... за кустами малины... Там что-то белеет. Я озирался, напрягая зрение, и мне чудилось, что убийца все время находится за моей спиной, тихо подкрадывается... Собравшись с духом, я пересек двор, открыл калитку и побежал по улице.

Доктор Мендлев еще не спал. Выслушав мою сбивчивую речь, он быстро собрался, взял кое-какие медицинские инструменты и торопливо пошел со мной.

– Его убили, понимаете, убили... – говорил я. – Он шел ко мне, а его зарезали, как... как барана. Воткнули нож в спину... А он должен был мне сказать... сказать...

– Я понимаю, понимаю, – успокаивал меня доктор Мендлев. – Так что он должен был вам сказать? И кого убили, я так и не понял толком.

– Сказать... кто убил... нет, потом. Это Мишка-Стрелец.

– Ах, Стрелец! – Доктор вдруг остановился, словно ему расхотелось идти дальше. – Вон оно что!

– Да пойдемте же! Что вы встали?

Мне показалось, что на лице доктора появилась недовольная гримаса.

– Хорошо, идемте...

Мы вошли ко мне во двор и поднялись на крыльцо. И тут я остановился как вкопанный. Дверь была по-прежнему распахнута настежь, но... трупа на полу не было. Он исчез... Не осталось никаких следов.

– Ничего не понимаю, – произнес я, сжимая пальцами виски. – Вот здесь, вот тут он лежал... и нож... Может быть, я сошел с ума? А, доктор?

– Возможно, – хладнокровно отозвался Мендлев. – Но у меня есть другое объяснение. Прислушайтесь!

Где-то неподалеку, кажется на кухне, тихо звякнул стакан и кто-то кашлянул.

– Давайте поглядим, – предложил доктор, – не ожил ли наш мертвец? Такое иногда случается в медицинской практике. Редко, но бывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.